

РАССКАЗЫ НЕ ПРО ВСЁ

*Николай
Тышчинский*

Николай Тычинский
Рассказы не про всё

«Реноме»

2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Тычинский Н. Ф.

Рассказы не про всё / Н. Ф. Тычинский — «Реноме», 2020

ISBN 978-5-00125-285-6

Герои «Рассказов не про всё» живут в разное время, и даже в разные эпохи. Они – живые люди, со своими веселыми и грустными, порой бесхитростными, а иногда и непростыми историями. Это рассказы про нас. Про то, какими мы были еще в начале прошлого века, и какие мы сейчас. Как на нас влияло то, что происходило вокруг, и на что оно все равно не смогло повлиять. Это не столько про связь времен, сколько про поиск в нас главного, и есть ли оно...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00125-285-6

© Тычинский Н. Ф., 2020
© Реноме, 2020

Содержание

Об отце	6
Взрослая рыбалка	7
Столярка	9
Лучший друг	11
Кино	14
Директор	16
Ягода, картошка и прочее...	18
Мастер на все руки	20
Знания – сила	21
Мамины истории	23
Скот	24
Освобождение	25
Варежки	26
...Не про всё	28
Облепиха	28
В походе	31
Барабан	34
Мука	36
Тополиный пух	39
Отдых дикарями	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Николай Франкович Тычинский

Рассказы не про всё

© Тычинский Н. Ф., 2020

© Оригинал-макет. ООО «Реноме», 2020

Об отце

Когда отца не стало, мне было тридцать четыре, моему сыну – уже девять, а мне все кажется, что был я тогда еще слишком молод, совсем зеленый, чтобы остаться без него. С ним у нас не случалось душевных разговоров и чего-то особенного, что вспоминалось бы теперь как событие. Нет, такого не могу вспомнить. Ушел он действительно рано, недолюбив нас, детей и внуков, не узнав, кем мы стали и как нам живется. А главное: не получив от нас того, что теперь так хочется ему, отцу, дать, вернуть. Не было ни дня, чтобы не вспоминал его, не прикидывал, что он в какой-то момент сказал бы и что бы подумал. Он – мерило на всю мою, теперь уже более длинную, чем его, жизнь.

Трудно писать истории, рассказы о нем. В воспоминаниях преобладают чувства, а не события, и от этого их описывать сложно, чтобы было интересно читателю, а не только мне самому. Но сначала о нем просто факты.

Родился отец 19 июля 1936 года на Западной Украине в деревушке Дубовица Ивано-Франковской области. Отец его, дед мой, Иосиф Тычинский – поляк, а мать Юлия Ильинична – украинка. Прожила бабушка Юлия долгую жизнь и ушла в середине восьмидесятых в душевном равновесии и в любви многочисленного потомства.

Понятно, что детство отца пришлось на военные годы, на немецкую оккупацию, голод, страх и разруху. Семья была большая – девять детей. Отца Иосифа и старшего брата Илью в 1944 году расстреляли немцы прямо во дворе дома на глазах всей семьи за то, что они пытались спрятать шестнадцатилетнюю дочь Стефану от высылки в Германию. Старшего брата и отца не стало, старшую сестру угнали на работы в Германию. Потом были страшные бои в окрестности Дубовицы и приход советских войск. После семилетки – училище в Калуше и по его окончании направление на целину в Казахстан в 1955 году «по комсомольской путевке». Эта красная книжица сохранилась в семье. На целине сначала тоже были голод, холод и нищета. Но довольно скоро, с трудом, пришло и некоторое благополучие. Там отец встретил мою мать и там же, в 1959-м, родился и я. В семье часто вспоминалась история про то, как отец в метельном феврале поехал на тракторе в районный центр, чтобы зарегистрировать мое рождение. По дороге трактор провалился в какую-то яму, отец не мог выбраться, и лишь на второй день его спасли. Добрался он до района второго марта. Тем же числом мое рождение и записали, а не 16 февраля, когда сам факт, так сказать, состоялся. Ну а теперь истории.

Взрослая рыбалка История первая

Рыбаком отец не был. В доме не было ни удочек, никаких других снастей, пока мы с братом не подросли и не завели свои самодельные удочки. Однако рыбачить отец любил и часто с кем-нибудь из друзей на рыбалку ездил. Вот так однажды его позвали рыбачить на какое-то озеро. Тогда он уже работал в школе учителем труда и параллельно шофером школьного грузовика ГАЗ-51, потому-то, видимо, его и звали – нужен был транспорт. В тот раз он впервые взял меня с собой.

Так как удочек в доме не водилось, то настоящую бамбуковую удочку с леской и поплавком отец взял у соседского парня Бориса – тот был уже почти взрослым и имел «профессиональные» снасти. Ехали мы долго степью по пыльной дороге. В кузове несколько мужчин-учителей из разных школ района шумно беседовали, так что было слышно даже в кабине через опущенное стекло сквозь рев двигателя и скрип рессор. Самих разговоров я не помню, но общее настроение запало: веселье, некоторая удасть и ощущение единого братства. Отец, хотя и не сидел с ними рядом, но вслушивался, как бы участвовал в происходящем, поглядывал на меня, чтобы я не пугался поездки. А мне как раз было хорошо. За открытым окном пролетали поля, тугой, степной, настоящий на травах воздух бил в лицо, машину кидало из стороны в сторону, и надо было держаться за железную ручку-скобу перед собой на панели, чтобы не стукнуться лбом о стекло.

Мы поставили палатку. Вернее, поставил ее отец, старую, цвета пыли. Но это был удивительный домик, и я не хотел из нее выбираться наружу. Отец один ушел забрасывать удочку, я потом к нему присоединился. Удочку держать было тяжело и скучно. Поплавок почему-то лежал, а не стоял на воде, и несколько замен червяка ничего не изменили. Отец на некоторое время ушел к друзьям, а я, положив удочку на рогульку, еще долго сидел и смотрел на поплавок. Кажется, был какой-то ужин у костра, но его я совсем не помню. Помню только отрывочные картинки ночи, пламя костра и лицо отца.

Проснулся я утром рано. Было непривычно, некомфортно, сыро и зябко. Отца рядом не было. Я выглянул из-за полога палатки, расстегнув деревянную пуговицу: снаружи был плотный туман. Потом из тумана прямо передо мной появился отец. Он был расстроен. «Удочка пропала», – сказал он и снова скрылся в тумане. Меня это тоже огорчило, удочка-то была не наша. Я быстро оделся и пошел к берегу. Туман постепенно рассеивался – поднимался вверх и отходил к противоположному берегу. Наша удочка, словно большой поплавок, плавала вдалеке от берега чуть ли не на середине озера. Рядом появился кто-то из друзей отца. Помню, что они смеялись над ним, нашей удочкой, и мне было жалко отца. Отец разделся и полез в воду. Он доплыл до удочки, хотя она несколько начала от него удаляться, но он прихватил бамбуковую палку одной рукой и поплыл назад. Когда он вскарабкался на илистый скользкий берег и стал вытягивать леску, стало понятно, что там, на леске, что-то тяжелое. Рыба не сопротивлялась, видимо, она давно уже выбилась из сил, таская за собой удилице по всему озеру, но шла к нам неохотно. Никогда до этого я не видел такой огромной рыбы. Тогда она показалась мне просто гигантской, хотя теперь я понимаю, что карась был, пожалуй, не такой уж и большой. Друзья отца, бывалые рыбаки, цокали завистливо языками, говорили что-то ему, он ухмылялся в ответ, а я видел, что он больше радовался не улову, а тому, что чужая удочка оказалась цела, больно он из-за этого переживал.

Карася посадили в ведро с водой, и всю обратную дорогу домой я сидел в кузове, охраняя это ведро, чтобы не расплескалась вода, и поглаживал торчащую из воды спину рыбы. Она, казалось, приняла меня за своего и не пугалась касаний. Дома нас встречали, словно мы отсут-

ствовали целую вечность. Да и мне самому казалось, что прошло не два дня, а целая новая жизнь – моя, отца и нашей с ним рыбы.

Столярка История вторая

В пятом классе на уроках труда в столярной мастерской мы делали посылочные ящики. Самые обыкновенные и настоящие, фанерные. Ящики эти потом оказывались на почте и использовались по назначению. Отец в школе для меня был самым строгим учителем из всех – никаких поблажек. Чаще даже наоборот: любая оплошность тут же им замечалась. Но мастерить я любил, а так как в отцовской мастерской проводил время не только на уроках, то инструмент в руках держал неплохо. Правда, мне казалось скучным колотить эти одинаковые ящики, но нравилось вгонять блестящие гвозди в фанеру и загибать потом их концы со стороны рейки так, чтобы острый кончик утопить в дереве, но и не расщепить узенькую рейку, за что учитель заставлял переделывать работу. Рейки он заранее готовил сам, их надо было только обрезать в размер и строгать, а вот фанеру выпиливали ученики. Самое трудное было правильно разметить заготовку и четко по карандашной линии ее отпилить. Потом торцы фанеры, зажатой в верстаке, обрабатывались рубанком и сколачивались две большие боковые стороны. Последней вырезалась крышка, она тоже подгонялась к финальному размеру и прихватывалась гвоздями по углам. Готовый ящик надо было ошкурить, тогда он становился чистый, ладный. Отец показывал, как надо было контролировать углы и выравнивать диагонали, но у большинства учеников именно это получалось неважно, и тогда ящики из их рук выходили кривые, корявые. Но обычно он успевал вмешаться в процесс вовремя, исправить ошибки и помочь. Помню, как за соседним верстаком Сашка Васильченко поторопился и неровно сколотил начальные боковины. Отец наблюдал за ним, потом, когда тот уже собирался выстругивать выступающую за грани фанеру, чем точно бы уже загнал всю работу в брак, подошел:

– Саша, вот эти гвозди вытащи назад. Уголкем проверишь по углам. Видишь, как не совпадает, – угольник в руках отца четко обозначил расхождение. – Вот так, по рейкам все проверяй, чтобы прямой угол был, потом гвоздями. И не торопись.

– Я проверял угольником этим, а все равно криво выходит. Это угольник кривой, – Сашка обычно находил, что ответить.

– Поправляй давай. Тебе показать, как надо?

– Покажите.

– Ну смотри, только запоминай, – отцу, видимо, не терпелось самому все исправить. – Где я сейчас тут имел в руке молоток? – иногда у него выскакивали не только украинские словечки в сочетании с мягким украинским акцентом, но и сами выражения изредка случались не совсем русскими.

Мальчишки вокруг рассмеялись. Мне стало неловко и обидно за отца на этих оболтусов. Но когда в руках отца заиграл молоток, а потом запел тонкой стружкой рубанок, все притихли и не могли оторваться от его работы. Это было ловко, точно и изящно. На верстаке за мгновение вырос аккуратный, словно игрушка, ящик.

– Вот так надо, смотри, Сашка, учись, – отец, довольный работой и тем, что все на него смотрели с уважением, показывал, – шкурку не просто так вози как попало, а на чурочку ровную ее намотай вот так и вдоль волокон шлифуй.

– А где волокна-то в фанере? Она тряпочная что ли? – Сашка дурашливо оглянулся на одноклассников, но те не поддержали.

– Большой ты уже, чтобы не знать. Вот они, волокна, рисунок дерева видишь? – указательный палец отца обвел косые линии на еще не ошкуренной фанере.

– А, понял.

Отец подошел ко мне, быстро оценил мои результаты.

– Тычинский, вот здесь рубанком возьми. Да не так, рубанок чуть наискось веди и ровнее, ровнее, не болтай ты его туда- сюда. Вот так...

– Федор Иосифович, а можно я потом ящик лаком покрою? – я заметил на подоконнике бутылку с лаком и мне захотелось отличиться.

– Зачем?

– Блестеть будет.

– Чтобы лаком покрывать, надо вышкуривать больше, чтобы совсем гладко было. Но ящики нельзя лаком, на них потом писать нельзя, скользить карандаш станет. Не надо лаком. Так.

– С боков же не пишут, может, я только с боку лаком? – было обидно, что рвение мое не одобрено.

– Нет. Без лака. Закончишь работу, сходи возьми в шкафу большую линейку, поможешь расчертить плаху.

Я быстро закончил свой ящик. Получился он неплохим, хотя заметно проигрывал тому, что стоял рядом на Сашкином верстаке. Готовые посылочные ящики мы подносили к большому столу, где сидел отец и принимал работу. Успели не все, несколько ящиков оставались недостроенными. Поставив свой на стол, я пошел к огромному шкафу, открыл его ключом, что дал мне отец, достал оттуда длинную железную линейку и с гордостью вернулся назад под завистливыми взглядами пацанов. Отец заканчивал приемку готовой продукции, ее было немного.

– Ну что, братцы-кролики, теперь слушаем оценки тех, кто справился. Крикунов – четыре, Миронов – три, Старцев – четыре, Васильченко – пять, Тычинский – пять, Цыганков – три, Диль – пять.

– Так не честно, вы Васильченко Сашке помогали. Так бы у него хуже всех вышло.

– Миронов, ты бы за своими руками больше смотрел, чем за чужими. Тебе вот даже помогать не хочется.

– Другим помогаете...

– Да, тем, кто сам старается.

Я видел, что Миронову сейчас никто не сочувствовал, а с отцом все были согласны. Однако сам я испытывал неудовлетворенность за незаслуженную пятерку Сашки Васильченко. А тот стоял и улыбался во весь рот. Хотя это было его обычное состояние. Еще меня очень радовала собственная пятерка, я знал, что она настоящая, а не по блату, и что отец мной доволен. А еще я видел, что одноклассники мои тоже признают справедливость моей оценки, а уважение к нему, учителю труда, переносят и на меня.

Когда прозвенел звонок и мальчишки убежали на перемену, я остался помочь отцу разметить большую сосновую доску: держал свой конец линейки, пока он проводил карандашом черту. Думаю, что особой нужды в моей помощи не было, он мог бы сделать все сам. Работали мы молча и только под конец, откладывая инструменты, он тихо сказал: «Сынок, не старайся чем-то таким выделиться, ненужным, и чего у других нет».

Лучший друг История третья

Некоторое время, наверное, это длилось пару лет, отец работал в районо. Что-то там в школе у него было не очень ладно с директрисой, из-за чего-то они поссорились, и он из школы ушел водителем в это районное управление в Бийске. Главным там был длинный, худой человек по фамилии Вирбицкас. Долгое время я думал даже, что это не фамилия вовсе, а так называется его должность, потому что все называли его по фамилии. И отец часто говорил: «Поеду к Вирбицкасу...». Когда я однажды, уже через несколько лет, спросил его: «А кто раньше вирбицкасом работал?» – он долго смеялся, и только тогда я узнал, что это не должность. Отец подружился с ним давно, еще до того, как пошел к нему работать. Видимо, по дружбе тот его и взял. Дружба эта была странная и крепкая. По возрасту они были примерно ровесниками, но по положению, по статусу, по образованию, конечно же, находились совсем в разных категориях. Про Вирбицкаса говорили, что он самый образованный, самый умный. Да он и говорил совсем иначе, чем другие, – сдержанно, кратко, очень точно выражаясь. Мог запросто что-нибудь цитировать по памяти, пошутить так, что его шутка была понятна лишь некоторым, в том числе ускользала и от меня, хотя я и понимал, что он пошутил.

Бийский район был большим, школа – в каждой деревне. Вот по этим деревням они с отцом постоянно мотались и зимой, и летом. Когда у меня были каникулы, отец часто брал меня с собой. Почему-то я не помню, чтобы он брал нас с братом обоих, хотя, скорее всего, такое тоже бывало, но обычно я один сопровождал отца с его начальником в эти поездки. Мы бывали в школах, у директоров школ в их домах, в разных других местах и заведениях. Я уже знал всех директоров и видел все школы. Мне было все интересно, и не зная фактов, и стесняясь что-то спрашивать у взрослых, я придумывал разные истории и биографии встреченным необычным людям и новым местам. Но самое интересное было всегда в самой дороге. Во время этих долгих переездов отец и Вирбицкас всегда разговаривали. Эти нескончаемые разговоры и были самым важным и интересным. Разумеется, я мало что понимал, о чем они говорят, но по интонации, по вовлеченности обоих в беседу было ясно, что говорят они о важном, нужном и на равных. Уверен, что это всегда были откровенные разговоры, о чем они точно не стали бы говорить с другими. Они сидели впереди в «бобике» (ГАЗ-69), а я за ними сзади на боковой скамье. Про меня чаще всего не вспоминали и не обращали на меня внимания, а я внимательно слушал и не докучал взрослым своим присутствием. Иногда я засыпал на ходу, особенно если было уже поздно. А возвращение домой из поездок ночью было обычным делом.

Вирбицкаса я боялся. Хотя он время от времени со мной шутил и пытался разговаривать, но бесед у нас с ним не получалось. Еще я к нему настороженно относился из-за мамы, которая не любила его, наверное, ревновала отца к его другу и часто что-нибудь недовольно про него говорила. Дети верят матери больше, чем кому бы то ни было. Хотя часто он бывал у нас дома и со своими двумя сыновьями, и наша мама всегда их принимала. Однажды, когда что-то там у них неладно было в семье, Вирбицкас несколько дней жил у нас и спал на раскладушке. Тогда он подарил нам с братом по красивому в красной коже блокноту, и в этот блокнот я потом стал записывать какие-то слова, которые можно было бы теперь счесть за детские записки.

Особенно запомнилась одна история из наших совместных поездок. Мы возвращались из какого-то дальнего степного села. Было это, видимо, в конце августа, потому что было еще совсем тепло, вокруг были убранные поля, и дорога пылила за нами очень сильно. Отец ехал быстро, а Вирбицкас его еще поторапливал. Они о чем-то, как обычно говорили, то соглашались, то споря друг с другом. Вдруг впереди нас оказался грузовик. Он здорово пылил, но ехал медленно. Отец попытался его обогнать, выехав на поле, но грузовик неожиданно тоже мет-

нулся в сторону – не дал себя обойти и прибавил скорость. Вирбицкас с отцом отвлеклись от разговора, обоих разозлил этот грузовик.

– Обгоняй давай его справа, – резко сказал Вирбицкас, – обгоняй, гони!

– Вот... – выматерился отец.

– Теперь слева давай. Отойди в поле подальше и параллельно его догонишь, прижмись к нему ближе, рядом иди. Посмотрим, что там за...

– Да пьяный, наверное.

Отец стал сигналить протяжными пронзительными сигналами, тот ответил коротким своим сигналом, но дорогу не уступал и пытался ехать быстрее. Началась гонка. Мы то выскакивали на поле и мчались, подсакивая на кочках так, что было трудно удержаться на месте, то возвращались на пылящую колею. Отец крикнул мне, не оборачиваясь: «Держись, Коля, крепко держись», – и сам вцепился в баранку. Наконец, наша машина смогла обойти грузовик и шла теперь параллельно с ним по полю.

– Поджимай его, – рявкнул Вирбицкас.

– Он нас в кювет опрокинет. Обойду сейчас его...

– Поджимай, говорю, – лицо его было жестким, решительным.

Отец, стараясь не отстать и держаться с грузовиком рядом, стал к нему поджиматься. Вдруг Вирбицкас открыл дверь кабины и встал во весь свой длинный рост на подножку.

– Давай к нему плавно подходи. Не трусь, – кричал он, – чуть сзади держись, к кузову.

– Да понял я тебя, – отец был зол.

Водитель грузовика скорее всего на какое-то время потерял из виду нашу машину, мы оказались для него в мертвой зоне видимости, поэтому машина его перестала дергаться и вилять, ехала ровно, и мы смогли вплотную подойти к ней, отстав на полкорпуса. Вирбицкас уже стоял на подножке одной ногой, приготовился к прыжку и держал вытянутой правую руку, но тут тот водитель выглянул из кабины и увидел нас. Он резко дернул руль вправо, отшатнулся от нас, но Вирбицкас уже сделал прыжок и вцепился в борт кузова. Запрыгнуть в него он не успел, а повис на длинющих руках на борту, и ноги его тащились по дороге. Было件нятно, что сейчас он сорвется и разобьется о дорогу на такой скорости. Отец отвел свою машину чуть в сторону, чтобы не налететь на своего начальника. Но тут совершенно непонятно как Вирбицкас вдруг подтянулся и подпрыгнул, отскочил от земли и перекинул себя в кузов. Еще одним прыжком он доскочил до кабины грузовика и мгновенно запустил свою руку-рычаг в открытое окно водителя. Мне показалось, что он взял его за шиворот, а потом, еще чуть туда наклонившись, выдернул ключ зажигания. Машина еще прокатилась немного и встала. Наш «бобик» остановился на дороге наперерез ей. Да, водила, молодой мужик, был пьян. Теперь он был испуган, пытался что-то говорить. Вирбицкас забрал у него права, тот отдал их безропотно и потом ехал за нами следом до районного ГАИ. Потом я спрашивал отца, что случилось с тем водителем, и вообще, что это было. Отец неохотно сказал: «Права отобрали на месяц... Пьяный».

Сам Вирбицкас пил. Это случалось и в их поездках на природу, на рыбалку. Отец, конечно, тоже выпивал, но умеренно, да и то, если не нужно было садиться потом за руль.

Последний раз Вирбицкаса я видел уже будучи студентом, когда приезжал домой на каникулы, и мы с отцом и с его другом, уже на школьном «москвиче» (отец давно уже как вернулся в школу) снова куда-то ехали вместе. Вирбицкас что-то меня спросил про мою учебу, ухмыльнулся: «Ну вот, скоро еще один молодой специалист будет...». Помню, что в ту поездку, а мы ехали по городу, перед нами вдруг оказалась похоронная процессия, и я сказал: «Хоронят кого-то...». А Вирбицкас засмеялся: «Хорошо, что не нас, это – главное...».

Примерно через год Вирбицкаса не стало. Он нелепо погиб под трамваем. Вышел из вагона, обогнул трамвай спереди, но зацепился авоськой за какую-то железяку. Была зима,

скользко. Трамвай рванул вперед и утащил его под себя. Жуткая смерть. Говорят, что он был совсем трезв.

Отец тяжело переживал уход друга и как-то мне сказал: «У меня за всю жизнь был один друг – Вирбицкас».

Кино

История четвертая

Парадоксально, но мои первые воспоминания о школе – это воспоминание о кино. Тогда я еще в школу не ходил, а отец уже работал там. Он был не только учителем труда в столярной мастерской, лаборантом на уроках физики и химии, шофером, но и киномехаником. В той старой деревянной школе, походившей на длинный барак снаружи, но просторной внутри, был один класс с закрытыми темными шторами и двумя небольшими оконцами в стене, за которыми была кинобудка. Эта кинобудка была для отца его пристанищем. Она имела собственную дверь из коридора, и часто ключ от нее был у меня в кармане, отец разрешал мне самому открывать ее и проводить там время. Не знаю, что я, собственно, там подолгу делал, но помню, что там мне очень нравилось. Стопки плоских железных банок, обрывки и мотки пленки, узкой и широкой, запах целлулоида, клея и еще чего-то загадочного и волнующего. Отец крутил учебные фильмы старшеклассникам, а я сидел с ним рядом и смотрел на экран через второе окошко и пытался уловить нечто важное в голосе диктора. Когда я уже ходил в первый класс, то проводил там почти все перемены, и когда мои уроки заканчивались, шел туда к отцу и просил его поставить мне какой-нибудь фильм. Почему-то отец никогда не возражал, не помню ни единого такого случая. Больше всего я любил смотреть странный учебно-воспитательный фильм про мальчика. Этот мальчик, на вид совсем обыкновенный, просыпался утром по звонку будильника, вставал в своих отутюженных черных трусиках и белоснежной маечке, открывал форточку в огромном окне большой светлой комнаты, делал зарядку, чистил зубы порошком, умывался, уверенно одевался в школьную форму, ни на что не отвлекаясь. Затем складывал со стола из аккуратной стопки тетрадки и учебники в свой ранец, надевал пальто, ботинки с галошами, шапку и шарф, и только когда этот загадочный, даже сказочный, школьник уже брался за ручку двери, появлялись его веселая мама и мягкая бабушка в очках. Они провожали мальчика в школу. На этом фильм заканчивался. Не знаю я, почему это кино мне нравилось и почему я смотрел его снова и снова десятки раз. Еще были учебные фильмы про разное оружие, как разбирать и собирать винтовку, автомат, кидать гранату и копать окоп. Часть фильмов была совершенно непонятна и неинтересна, но многие я смотрел по несколько раз. И конечно же, просмотрел я тогда всю кинотеку отцовской кинобудки и все те фильмы, что еще дополнительно привозились из города. Были и художественные ленты, но вот их как раз почему-то и не запомнил вовсе. А вот образцового мальчика из сказочной жизни запомнил навсегда.

По вечерам часто я тоже оказывался в школе и тогда, уже в другом помещении – в классе физики, присутствовал на занятии различных кружков. Всех тем и названий кружков я не помню, но точно были радиокружок и кружок ракетного моделизма. На всех прочих кружках я просто присутствовал и наблюдал за важными старшими школьниками и за отцом, как и что он им показывал и что они делали. Меня никто не замечал, сидел я в уголке и себя не проявлял. А вот в кружок ракетного моделизма я влез самым беззастенчивым образом как участник, и взрослые парни были вынуждены меня терпеть и обращаться со мной как с коллегой. Но главное, отец точно так же, как и им, выдавал мне мои собственные детали и материалы, объяснял чертеж и помогал склеить корпус ракеты из картона. Прекрасно помню тот гладкий выточенный отцом на станке деревянный конус ракеты, склеенные из картона чуть кривые красные стабилизаторы и цилиндрический корпус. Все это лежало в отдельном плоском ящичке с моим именем. Потом мы клеили парашюты из тонкой папиросной бумаги с многочисленными нитями-стропами, сгибали какие-то уж совсем непонятные проволоочки, и вся работа эта длилась и длилась много-много занятий...

В том классе физики было всё не так как везде. Он был огромен, с почти сплошными окнами на две стены, поэтому всегда светел и с гигантскими стеклянными до потолка шкафами с учебными пособиями. Иногда мне разрешалось что-то доставать из шкафов и рассматривать более подробно. Особенно сказочным там был самолет, склеенный из тонких реечек и оклеенный папиросной бумагой. Он был настолько сложен своей ферменной конструкцией, немислимо изящен и одновременно безобразно страшен отсутствием мотора на голой раме под него. Я много раз просил отца вынуть самолет из шкафа и изучал его. Был там еще один самолет поменьше, более простой и покрашенный краской, но он был неинтересен, скучен, и больше походил на игрушку. А вот тот ажурный – он был настоящий. Мотор от той модели самолета я потом все-таки нашел. Он был в ящике с множеством других непонятных деталей, но по тому, что на моторе был винт – деревянный промасленный и избитый, я и догадался о его назначении. Отец разрешил мне поюзаться с мотором и помог его разобрать, чтобы почистить. Он что-то пояснял мне про его устройство, но я мало что понял. Я очень просил отца установить мотор на подходящее место и запустить самолет, но выяснилось, что в моторе недостает каких-то важных деталей, да и винт слишком поврежден. Тогда я выстрогал дома свой винт на замену и показал его отцу. Боялся, что он забракует мое изделие. Но он сказал, что этот пропеллер вполне годится, хотя и не идеален. Винт на моторе был заменен, мотор установлен на раму модели, тонкие резиновые патрубки были подсоединены к бензобаку, но... Самолет так у нас и не полетел.

Столярная мастерская в той старой школе была в отдельном здании. Это был небольшой деревянный дом «на две квартиры» – типовой для нашего села. С одной стороны была слесарная мастерская, там хозяйничал старичок Василий Евгеньевич, а с другой была столярка. Там пахло свежими опилками, золотистые стружки горками возвышались из ящичков у станков и верстаков, и было несколько страшных на вид и ужасных по звучанию циркулярных и строгальных станков. Почему-то именно в столярке часто собиралась мужская часть школы, включая директора и завхоза. Там было всегда весело, и там обсуждались все сколько-нибудь важные дела и планы. Это был своего рода штаб, а для отца – второй дом.

Директор История пятая

Так сложилось, что по окончании одного учебного года школа осталась без директора. И вот, на период до нового учебного года, то есть на все лето, исполнять обязанности директора школы временно назначили отца. Известно, что лето для любой школы это – ремонт. В те времена ремонт в школе делали ежегодно очень серьезно, по-настоящему, по-честному. Не только наводили косметику для показухи, чтобы «сдать» школу к 1 сентября, но действительно ремонтировали все, что было нужно или желательно отремонтировать, красили и белили все полы и стены. Латали крышу и делали еще множество всего, что в нынешних школах делается, увы, далеко не каждый год. Весь ремонт, за исключением, может быть, некоторых специфических работ, делался исключительно силами самой школы, то есть ее работников: учителей, техничек, завхоза и всех без исключения, кто на тот момент был в штате школы, и с участием старших учеников. Естественно, что учитель труда (трудолик), он же водитель, был одним из ключевых работников. Поэтому назначение именно отца исполнять обязанности директора на этот период было вполне разумным. К тому же все знали, что назначение временное, до начала учебы все равно назначат нового «настоящего» директора.

Ремонт шел полным ходом. Отец все дни без выходных от рассвета и до ночи был в школе. Он не руководил процессом из кабинета, а, естественно, сам участвовал во всем, как обычно, но в этот раз еще и распределял работы и контролировал результаты. Я часто был с ним и если не выполнял какую-нибудь самостоятельную работу, то выполнял множество мелких поручений отца. Однако с утра отцу приходилось подписывать много бумаг, и он в это время сидел в кабинете директора – крохотной комнатке со столом и парой шкафов. Было непривычно видеть отца на этом месте. Я запомнил эпизод, когда, постучавшись, в кабинет зашла завуч. У нее с отцом были весьма непростые отношения. Она появилась пару лет назад в нашей школе, была учителем литературы, женщина активная, властная, обо всем имевшая свое собственное мнение. Отца она невзлюбила. Особенно ее коробил и не давал ей покоя его говор с обилием ошибок и украинских слов с мягкими согласными. Его недостаточная для учителя образованность, а возможно, что-то еще, ей не нравилась. Сама она русский язык и литературу действительно хорошо знала и имела неплохой вкус. Возможно, что именно она, в некоторой степени, привила и мне интерес к литературе. Так как женщина она была интеллигентная, в прямую войну или конфронтацию она не переходила, но устраивала отцу бесконечные проверки, неумолимо делала замечания и часто присутствовала на его уроках – сидела на последней парте и что-то записывала в блокнот. Отец ее не любил взаимно, но и не боялся, а скорее пренебрегал, считая, что она «непонятный человек». А то, каким человек был в целом, для него, несомненно, было главным.

Так вот, отец сидит за директорским столом, я где-то рядом, а грозный завуч робко входит, почему-то извиняется и, стоя посредине комнаты, просит отца посмотреть расписание уроков и, «если у него не будет замечаний», то подписать учебный план и расписание. Я, двенадцатилетний пацан был в шоке, но мне было важно поведение отца. Он на мгновение растерялся, но тут же собрался и никак больше не выдал своего отношения к ситуации. Он предложил ей сесть, взял бумаги и молча все подписал.

Хорошо запомнил разговор отца с заведующим районо Вирбицкасом. Они ехали в районском «бобике» и как всегда беседовали. Речь шла о назначении нового директора в нашу школу. Вирбицкас говорил, что желателен теперь директор-мужчина, и стал перебирать всех наших учителей-мужчин. К моему удивлению Вирбицкас отлично знал каждого из учителей, и теперь он внимательно выслушивал мнение отца. А отец, которого я привык считать чуть ниже, что ли, этих учителей в школьном статусе, вдруг делал четкие и дельные рекомендации.

Мужиков в школе в то время еще было достаточно много, наверное, человек шесть. Вирбицкас говорил:

– Н. Не подойдет, наверное?

– Да он и не согласится.

– А Б.?

– Да ты что, нет конечно.

– Согласен, не годится.

Кажется, они перебрали уже всех и на некоторое время замолчали, но потом Вирбицкас вдруг назвал нашего учителя физкультуры:

– А Макаров? Василий Алексеевич.

Отец посмотрел на него, помолчал и ответил:

– А ты знаешь, этот сможет. Точно, из него получится директор.

– Ну вот видишь, – Вирбицкас был доволен, – у него и образование есть, он же учителем географии раньше был.

– Так. – Это слово у отца звучало часто и заменяло ему сразу несколько слов, как в польском: и «да», и «хорошо», и «согласен».

Ягода, картошка и прочее...

История шестая

Сначала в школе был один грузовик ГАЗ-51, и отец был по совместительству его водителем, потом добавился еще один, из списанного совхозом, но не на ходу. Этот второй восстанавливали с помощью учеников (так началось в школе автодело). Еще позже, когда в школе автодело было уже официально введено, и все выпускники школы получали профессиональные права водителя 3-го класса, появился третий грузовик. Этот был исправен, но почему-то чаще других ломался. Потом гараж школы дополнил тоже не новый «Москвич-408» и автобус ПАЗик. Конечно, на всем этом ездил уже не только отец, но его вклад в становлении этой колесной гвардии и ее месте в школьной жизни, был, безусловно основным. Но речь не об этом...

В селе нашем нет полей. Катунь-река, а вокруг плотный сосновый лес. С огородами было туго. Потому совхозу выделяли земли в других местах района, благо он весьма богат и полями тоже. В том числе выделяли землю населению под посадку картошки. Земля выделялась и школе. Обычно это были предгорья в окрестностях Сросток, от нас около сорока километров. Понятно, что в этот «огород» не набегаешься, ездили туда ровно четыре раза в год: сажать картошку в конце мая, полоть (тут это до сих пор называется «тяпать»), затем в июле – окучивать и где-то в сентябре – выкапывать урожай. Естественно, школу на картошку возил отец. Особенно были интересны давние – первые поездки, когда в кузове грузовика тесно друг к другу усаживались учителя со своими семьями. Ехали долго, шумно, с песнями и байками. В кабине с отцом сидел кто-нибудь из пожилых женщин, а мы с мамой и братом всегда ездили со всеми в кузове. По Чуйскому ехать было скучновато, да и при относительно большой скорости приходилось прятаться от ветра, кутаться в зимние одежки и завязывать шапки, а вот когда в Сростках поворачивали от Катунь налево в глубь холмистых полей, то ехали неспешно. Машина иногда взбиралась на крутые горки с таким натягом, что казалось, ей и не выбраться на верх. Вот эту часть пути я любил и за эти подъемы-спуски, но главное – за удивительные виды и дали, которые открывались с горок. Видно было далеко во все стороны: и уже настоящие горы вдалеке, и поля с пятнами рощиц и лесов. Еще было традицией остановиться у хлебного магазина в Сростках, что стоял прямо у дороги. Там покупали хлеб – обычную буханку. Он был всегда горячим и необыкновенно вкусным. Нигде больше я не ел такого вкусного хлеба, но и там теперь его тоже нет, хотя магазин, кажется, все еще на месте. За Сростками на некоторое время народ затихал, невозможно было оторваться от открывшихся картин, но потом снова балагурил, пел и шумел нестройным хором сразу нескольких разговоров по разным компаниям, с еще большей силой и радостью. Однако дорога эта утомляла, и к концу ее обычно было уже не до смеха, а выбирались из кузова уже люди серьезные, им предстояло трудиться. Картошки тогда сажали много, основной продукт как-никак, обычно на семью приходилось около десяти соток, что даже семье из четырех человек гарантировало тяжелую и нудную работу на весь день.

Отец, высадив всех своих пассажиров, отгонял машину куда-нибудь в укромное место под тень берез и вместе с нами приступал к работе. У него уставали руки от руля без гидросилителя при езде по извилистой грунтовке с непрерывными переключениями передач, но я не помню, чтобы он когда-нибудь отдыхал после дороги перед тем, как взять лопату или тяпку. Когда мы с братом были еще маленькими и не выдерживали работы наравне со взрослыми, то нас отпускали побегать по горкам-холмам рядом с полем. Горки были крутые, иногда, чтобы на них забраться, приходилось ползти на четвереньках, хватаясь за кусты или крепкие стебли высокой травы. Было много цветов. Самых разных, ярких и крупных. Почему-то там они, хорошо знакомые нам и по собственному лесу, были ярче и крупнее. Это были и оран-

жевые жарки (там их называли «огоньки»), и дикие ирисы, и огромные лилии, и множество не таких ярких, но не менее красивых других цветов. Букеты не рвали, потому что довести цветы до дома получалось редко. Но вот клубники в июле собирали много и не всегда съедали ягоду сразу, а немного набирали и домой. Эта полевая ягода была душиста и горяча от степного солнца.

Поездка на картошку занимала всегда весь день полностью. Отец возвращался домой еще позднее нас. Он уставал в такие дни особенно, но никогда не жаловался, не сетовал, что опять куда-то везти людей, а наоборот, всегда радовался таким поездкам. За них, естественно, ничего не доплачивали, не всегда даже говорили и спасибо. Это считалось само собой разумеющимся.

Другими поездками коллективом были вылазки за ягодой. Обычно их случалось две-три за лето. Обязательной была поездка в горы за полевой дикой клубникой в сторону Красногорска, где ягоды было, как отец говорил, «лопатай в мешок нагреть», она была сладкая, даже еще не покрасневшая, уже и не зеленая, а белесая, но ужасно душистая. Ягоду собирали весь день на солнцепеке, и потому нас, детей, туда брали редко. Отец выезд за клубникой любил больше всего, потому что ягоду он сам почти не собирал, для него это был отдых в тишине на природе. Обычно народ врассыпную уходил далеко от машины, а он один оставался рядом с грузовиком, дальше немногих шагов от нее не удалялся. Он скрывался под кузовом от солнца, дремал, а когда становилось скучно, то тоже рвал ягоду рядом, вглядываясь в далекие горы. Ягоды привозили много, обычно пару ведер, потом сушили и делали из нее самое душистое варенье на зиму. Но мама всегда говорила, что «она меньше других набрала, а вот С. или М. по четыре ведра “нахватали”». Она не завидовала, а просто смеялась и радовалась.

Другими поездками были далекие вылазки за брусникой, черникой или голубикой в обширные сосновые леса в сторону Борового или Соколово. Ездили за этой ягодой не каждый сезон, а только когда были сведения, что ягоды много. Отличались эти путешествия тем, что значительная часть пути была по плохим и путаным лесным дорогам, где нужно было не только добраться до ягодного места, которое еще не обобрали местные, но и найти потом дорогу назад. В лесу школьный народ уже далеко от машины не удалялся, крутились вокруг, перекликиваясь, чтобы не заблудиться. Да и собирались в обратный путь гораздо быстрее, чем когда рвали ягоду в поле. Отец такую ягоду не собирал, а рядом с машиной обычно находил сколько-нибудь грибов: подберезовиков или белых. Именно такие грибы он единственно признавал и называл их «настоящие». Так, из поездок за брусникой мама привозила ягоду, а отец – грибы.

Ездили и за красной смородиной – дикой, ужасно кислой ягодой, что росла в горах прямо на скалах. Кажется, это тоже было обязательной ежегодной поездкой всех желающих работников школы. Желание отца, конечно же, никто не спрашивал, но ему поездка в горы нравилась и ездил за смородиной он тоже с удовольствием. Мама за смородиной ездила не всегда, боялась лазить по камням, поэтому из поездок за «кислицей», как ее иногда называли, отец порой возвращался без ягоды или с маленьким лишь бидончиком рубиновых горошин.

Отдельными и нерегулярными были еще множество всяких коллективных поездок за клюквой, костяникой, на рыбалку (тут только мужчины, да и то только избранные, свои), за венниками, и... мало ли еще зачем. А вот просто так на природу, куда-нибудь в горы или на Телецкое озеро, например, коллективом не ездили. Народ был практичный, без пользы и причины от дома далеко не отлучался. Просто на природу отец любил ездить сам, с нами – семьей – или с кем-то из близких друзей.

Мастер на все руки История седьмая

То, что у отца золотые руки, было известно всем. Он мог сделать почти все, хотя и не за все брался и, конечно, не одинаково во всем разбирался. Особенно виртуозно он обращался с деревом, владея инструментом с детства, когда часами про водил время в столярке своего деда, которого считал своим главным учителем. Столярничал и плотничал он профессионально и очень любил эту работу. Вся мебель дома от табуреток, столов, шкафов, этажерок, тумбочек и до диванов, была сделана его руками. Он любил дарить знакомым что-нибудь из мебели или домашней утвари. Сделанная им мебель была не просто функциональна и обычного стандартного вида, а всегда имела индивидуальность в виде украшений, секретов, точеных элементов или выжженных узоров. Узоры и рисунки он собирал отовсюду, но и сам сочинял их, может быть, и не всегда удачные, но всегда вписывающиеся в общий концепт его работы. В конце жизни он занялся еще и резьбой по дереву, и этим наслаждался, зачастую просиживая целые ночи над досками из кедра или липы, а наутро шел на уроки в школу.

Если с деревянными работами было понятно, да и со знанием механизмов, машин, станков и прочим железом тоже, то вот чего я совершенно не мог понять, так это откуда он разбирался в электронике. Не в той, правда, электронике, что сейчас, а в той, советской, годов до 90-х. Дома до сих пор во всех углах и старых ящиках попадаются разномастные радиолампы, трансформаторы, конденсаторы и прочие радиодетали. Ему без конца приносили телевизоры, приемники, громоздкие магнитофоны, пылесосы, скороварки и прочие порой непонятные, хитроумные бытовые штуковины. Он никому не отказывал, брался за работу, порой не на шутку ругаясь, но всегда справлялся с задачей. За работу он никогда не брал денег. В принципе. Нисколько и никогда. Если кто-то деньги пытался по-хитрому все равно ему всучить, он всегда возвращал их и старался потом больше с этими людьми не связываться. Конечно, иногда его благодарили каким-нибудь другим способом, например, испеченным вкусным пирогом, только что выловленным тайменем или стерлядкой, против этого он не возражал.

Когда отца не стало, то часть его славы мастера-умельца пала и на меня совершенно незаслуженно, неоправданно. Несколько раз, когда я находился дома в отпуске, к маме приносили что-нибудь починить: «Пусть Коля посмотрит...». Соседка по двору врач-фронтоник Нина Александровна принесла свою «чудо-печку», которую отец чинил бесчисленное количество раз и все смеялся, что с закрытыми глазами может рассказать о всех ее царапинах: «Только Тычинский мог мою «чуду» отремонтировать, ему доверяла. Теперь, Коля, тебе доверяю, ты сделаешь...». Отказать нельзя, не поверят, что не умею. Сам не знаю, каким чудом, починил это «чудо». Еще был случай, уже через десяток лет как отца не было, когда сосед, его ровесник и приятель, попросил «зайти посмотреть телевизор», в смысле починить, «тебе же раз плюнуть...». И не черно-белый советский, а уже относительно новый цветной. Для меня, хоть и инженера, но совсем в иной области, телевизор, что старый, что новый – темный лес и ящик с фокусами. Однако сказать, что не умею, не понимаю, не возьмусь, невозможно – и не поверят, и обидятся. Взял индикаторную отвертку, зачем-то паяльник, плоскогубцы, и с серьезным видом пришел к соседу. Телевизор не показывал совсем. Снял заднюю крышку, это я умею, собрал внутри паутину и стал тыкать отверткой куда попало. Вынул несколько панелей, почистил контакты и воткнул их на место. Когда привернул заднюю крышку и, ожидая очевидного результата, включил телевизор, то снова произошло чудо – телевизор заработал. Думаю, что это оттуда моими руками, а может, и вовсе не пользуясь ими, не дал мне пасть в глазах его бывших друзей он, мой отец.

Знания – сила

История восьмая

Он, конечно же, был самоучкой, в том смысле, что до всего добирался сам. Отец много читал, во всяком случае с тех лет, что я себя помню. Скорее всего раньше, до того как он стал работать в школе, он читал меньше, так как просто невозможно было бы ему найти для этого времени, он всегда работал, всегда был занят. Но вот позже, где-то годам к тридцати, книги его не покидали никогда. Чтение его было бессистемным, хаотичным. Охотно проглатывал и детективы, и серьезные художественные произведения, и научно-популярные книжки, и строго технические. Однако и формальное образование он тоже получил, но не самым простым и обычным образом.

Основным, базовым образованием, с которым он шагнул в самостоятельную жизнь, была семилетка в украинской деревне в военное и послевоенное время. Что это такое, представить сейчас трудно, но я вспоминаю отрывочные его рассказы о том, как он учился писать на полях немецких газет сажей, разведенной в воде. В школу ходили не каждый день и по очереди с сестрой, близкой к нему по возрасту, потому что ботинки у них были одни на двоих. Старшие братья и сестры тоже делили не только одну обувь, но и многое другое. В младших классах во время войны детей обучал сельский поп, который не выпускал из рук розги. Так отец научился читать и писать, и надо сказать, что хотя он всю свою жизнь писал с ошибками (как, впрочем, и я), но вот почерк у него, в отличие от моего, всегда был красивый, ровный, аккуратный и даже с некоторым изяществом. Меня особенно восхищала черточка над строчной буквой «т», она присутствует во всех его письмах и записках. Я даже пытался подражать ему и писать похоже, но у меня с черточкой получалось еще хуже, чем без нее.

После школы он учился в училище механизаторов, но про это я ничего не знаю, кроме того, что он стал комбайнером-механизатором. Думаю, там больший упор был на практические знания и навыки, нежели на теорию и чертежи. Хотя с чертежами отец всегда был на «ты», возможно, именно с тех времен.

Про вечернюю школу я уже писал. Да, его заставили в нее пойти, как только он стал работать в школе. Но думаю, что он не слишком на самом-то деле и сопротивлялся, потому что его просто магически тянуло к знаниям, образованию, всему новому. Он любил образованных, грамотных и умных людей, дружил с такими. Например, помню, что когда нам дали квартиру в многоквартирном новом доме, он мгновенно подружился с нашим соседом – чудным пожилым профессором по фамилии Драгиль, который преподавал, кажется, физику в Бийском политехе. Этот наш дом был необычным. Он предназначался для учителей, и тогда, в 1965 году, почти все двенадцать его квартир были учительскими. Вот и профессор попал каким-то образом в эту компанию. Отец часто по вечерам уходил в квартиру напротив, а про чудаковатого профессора рассказывали (у него все-таки были странности), что при знакомстве он стал представляться как профессор Тычинский. Фамилия отца ему понравилась. Когда их семья вскоре переехала в Новосибирский академгородок, этот дедок оставил отцу много разного рода старинных приборов, назначение большинства которых для меня и сейчас остается загадкой.

Вечерняя школа заняла, кажется, целых четыре года. Давалась она ему очень тяжело, в два этапа (восьмилетка и одиннадцать классов), и несколько раз он пытался ее бросить, но каждый раз его либо уговаривали, либо вынуждали вернуться. Более радостным, счастливым я его не видел, чем когда он получил выстраданный аттестат о среднем образовании.

Следующей ступенькой в образовании, на которую он шагнул сразу же, был техникум. Барнаульский сельскохозяйственный. В нем он учился заочно, усердно, старательно и ответственно. Помню его поездки в Барнаул на долгие сессии, его рассказы по возвращении о строгостях преподавателей и особенностях городской жизни. Еще он каждый раз увозил с собой

испеченный мамой огромный пирог с картошкой и рыбой, который он потом отдавал хозяйке-старушке, у которой снимал комнату на время сессии. Думаю, что обучение в техникуме у него было настоящим и он действительно изучал, разбирался во всем, что там преподавали. Единственное отступление: диплом ему помогла начисто переписать та бывшая завуч школы, что заставляла его учиться. Сам он делал слишком много ошибок. Диплом был посвящен технике выращивания картофеля. Вся наша квартира была завалена тогда книгами про картофель, про технику его уборки, чертежами и какими-то картами. До сих пор на полке дома иногда попадает книга с детальным описанием возделывания нашего национального продукта.

Последней ступенькой его обучения был институт. Я закончил девятый класс, когда он поступил в Бийский пединститут заочно. Переживал он и волновался при поступлении не меньше юного абитуриента, к каждому экзамену готовился не щадя себя. Как бы то ни было, но он поступил с первого раза. Наверняка ему шли на большие уступки, учитывая его возраст и учительский стаж. К тому же с некоторыми преподавателями он уже был знаком по работе в районо.

Учебники он читал по ночам, сидел за столом и что-то записывал. В тот период и у меня была максимальная учебная активность, и мы часто параллельно засиживались, он в большой комнате, а я в нашей маленькой, где брат или уже спал, или еще носился где-то во дворе. Однажды меня ночью разбудил громкий отцовский смех, который потом еще несколько раз повторялся. Утром я решил выяснить, что же такое веселое читал отец ночью, и на столике рядом с диваном нашел «Анатомию человека».

В институте отец учился долгие пять лет. Я тогда уже поступил в институт далеко от дома и бывал на родине лишь в каникулы два раза в год. Отцовским обучением особо не интересовался, но знал, что оно продолжалось. Институты мы с ним закончили почти одновременно. Свой голубенький ромбик с раскрытой книжкой он не носил, как, впрочем, и я свой с крыльшками.

Мамины истории (другая война)

Давно собирался записать те немногие, но важные для меня рассказы мамы. К сожалению, многие истории я забыл, что-то спуталось в памяти и не дается восстановить в связное, но то, что еще помню, наконец-то решил записать. Слава богу, я могу еще что-то уточнить у нее самой, а может быть, услышать и еще новое из ее необыкновенной жизни.

Эти истории – из ее раннего и более позднего детства, юности, которые прошли в Китае. Мама родилась в Китае в 1933 году и прожила там с родителями в большой русской семье до пятьдесят пятого года. То есть до двадцати двух лет она жила в Китае. Сначала при японцах, потом уже при китайцах. Тогда всех русских начали изгонять оттуда, и первым переселенцам, в кои и попала семья моего деда, разрешили вернуться в Союз, правда, в голые казахстанские степи (как раз начали осваивать целину). Другим же, кто уезжал из Китая позже, путь в СССР был закрыт, и разлетались они потом по всему миру: кто в Канаду, кто в Бразилию и Австралию. Однажды мне, например, довелось познакомиться с пожилой женщиной, русской эмигранткой в Рио-де-Жанейро. Когда мы разговорились, то оба не могли поверить удивительному совпадению – оказалось, она родом из Китая и ходила с моей мамой в одну школу. На прощание она все повторяла, чтобы я передал маме привет, напомнил ей магазинчик ее отца, кажется, Борисенко, на углу улицы: «Она должна помнить этот магазин, передайте...».

Скот История первая

Помню, что когда я в первый раз услышал эту короткую историю, то она так меня потрясла своей безжалостной и бессмысленной жутью, что в нее было трудно поверить. Потом, много позже я снова услышал ее от своего дяди – маминого брата. Придумать подобное вряд ли кому под силу, такой бывает только жизнь.

Это было сразу после войны, в 45-м или в 46-м году. Зима началась рано и морозы уже в декабре были лютые. Лед на реке Дербул встал рано. В русской деревне Драгоценке – самой большой во всем Трехречье, где они тогда жили, стоял небольшой взвод советских солдат, была районная комендатура. В начале зимы объявили, что будут собирать скот, чтобы отправить его в СССР, где был голод. Надо было помогать своим. Сначала с каждого двора забрали по две коровы, но потом забрали почти все – коров, овец. Оставляли лишь по одной корове, кому-то удавалось оставить еще и бычка или телочку, но это было рискованно – могли потом отобрать все, да и арестовать.

Хозяйства у живших тут забайкальских казаков, что ушли еще в восемнадцатом от красных через Аргунь за границу в Китай, были большие, зажиточные. За почти тридцать лет наладили русские люди здесь жизнь и трудились не покладая рук. Японцы, когда заняли Китай, русских не притесняли, позволяли жить своим уставом. Потому хозяйства в каждом дворе были сильные – коров десятками, гурты овец, лошади, все имелось и находилось в отличном состоянии.

Скот сдавали сами, не роптали, понимали, что помогать своим русским, там, на далекой родине, надо. Старые обиды на советскую власть после такой большой войны не вспоминали.

Живность сгоняли на лед реки и там забивали, чтобы зря не кормить. К концу зимы на льду посередине Дербула было навалено с десятков огромных куч туш разной скотины. На реку боялись ходить и старались туда не оглядываться, такими зловещими высились страшные замороженные мясные горы. Снег заметал их, но все равно чернотой просвечивали туши родных буренок и кучерявых овечек. Двое часовых постоянно менялись, охраняя добро, кутаясь в тулупы на ледяном ветру и притопывая валенками. Мясо должны были увозить подводами на железнодорожную станцию, но все не отвозили, и не отвозили – охраняли.

Когда солнце начало подогрывать и с крыш повисли сосульки, народ стал поглядывать на реку. Никаких пояснений ни новоявленное советское начальство, ни солдатики из охраны не давали. Кучи на льду все лежали и становились чернее. Посты охраны перенесли со льда на берег. Солдаты стали огрызаться на местное население, и все чаще звучало: «...вы тут, пока мы там...».

В середине апреля в одну ночь лед стал громко стрелять, и ледоход начался разом быстрый, мощный. Дербул – горная большая река со скорым течением, к утру вода была почти чиста, только отдельные льдины еще проносились мимо, да на берегу лежали несколько прозрачных на изломах глыб, что выбросились с ходу из воды.

Вся деревня: старики и дети, мужики и их жены, высыпали утром на реку. Молча смотрели на быструю воду, туда, вдаль, где за поворотом она уносилась в Аргунь, а потом текла с далеким Амуром к океану.

Освобождение История вторая

Боев в Трехречье не было. Японцы заранее отступили, покинули район. Накануне их ухода один из японцев, что был знаком с дедушкой, шепнул ему, что ночью уйдут и взорвут комендатуру и казармы. Японцев стояло тут много, была большая часть, как раз напротив дома через улицу. Скоро все русские знали, что будет ночью, и к вечеру вся деревня тихо ушла из своих домов – кто в лес, кто на заимки или еще куда-нибудь в другие деревни к родным и знакомым подальше от Драгоценки. Прадед мой, мамин дедушка Иван Яковлевич, герой русско-японской войны, староста большой церкви в Драгоценке, еще крепкий и статный старик, уходить отказался, остался сберегать дом. Смелость и даже отчаянность он имел немалую – не боялся ни озлобленных японцев, что могли застрелить или пырнуть штыком, ни предстоящих по соседству взрывов. Запасся старый казак ведрами, натаскал бочки воды, приготовил багор и дожидался взрывов.

Рвануло сразу в нескольких местах и потом еще несколько раз кряду. Пожар полыхнул от комендатуры к деревянному забору и казармам. Горело и взлетало в небо все, и скоро пламя стало доставать до дома моих родных. Дед поливал без устали стены и крышу, и не дал дому загореться. Лишь чуть опаленная крыша выдавала отступившую опасность, а зрелище через дорогу напротив было страшным – черные руины и груды камня. Японцы ушли быстро и четко. Поговаривали потом, что обходил их караул русские дома – кого-то искали, но арестовывать уже было некого. Ивана Яковлевича тоже не тронули, а может, не нашли.

Через несколько дней пришли русские. Красная армия прошла через деревню и ушла дальше на восток. Ребяшня высыпала встречать танки, и девочки кидали цветы улыбающимся молодым парням в шлемах. Один танк остановился в начале улицы, и его сразу окружили дети от малых до больших. Детей в Драгоценке было много. На башню вылезли солдаты – совсем еще мальчишки с чубами, такими же, как у окруживших их пацанов. Солдатикам было интересно, почему вдруг у китайцев белые европейские лица у детей. Слышно было, как они перешептывались между собой, не зная, как обратиться к местным. «Слышь, они вроде по-русски шпрехают, наши что ли?..» И тем и другим хотелось заговорить, но почему-то никто не решался. Первой вступила в переговоры моя мама – она в свои одиннадцать лет слыла заводилой. Солдатики охотно общались и оказались обыкновенными ребятами, они все вместе смеялись и уже не чувствовали, что чем-то отличаются друг от друга.

Деревенским ребятишкам очень хотелось чем-нибудь угостить симпатичных молодых парней, и мама предложила сбегать по домам и собрать, что можно из еды солдатам. Взрослые сначала испугались за детей, запретили было из дома выходить, но потом все-таки дали молока, свежего хлеба, яиц. Скоро у танка уже было полно народу, и солдат завалили угощениями. Смех и веселье захватили всех, и несколько взрослых тоже подтянулись к компании. Солдат расспрашивали, откуда они, что там в Советской России происходит и как люди живут. Спрашивали осторожно, боясь что-нибудь не то сказать, да и солдатики отвечали с осторожностью, не совсем еще понимая, с кем тут встретились. Танкисты где-то успели нарвать полную пилотку черемухи и теперь в свою очередь угощали местную детвору.

Мама навсегда запомнила тот день – 10 августа 1945 года.

Варежки История третья

Где-то далеко в России гремела война, дорогие и противоречивые сведения иногда доходили оттуда, но взрослые сами не знали, что думать, потому и детям не знали, что рассказать. А в Китае хозяйничали японцы. Зима в Трехречье стояла серьезная, сибирская. Дедушка мой – Иван Иванович, мамин отец, работал тогда счетоводом на строительстве железной дороги в тайге. Дорогу строили японцы. Ко всему, особенно к работе, японцы относились строго – во всем был порядок и жесткий контроль. Строительный участок был от Драгоценки далеко. Работники там и жили на месте, а выбраться домой удавалось редко. Однажды Ивана Ивановича отпустили к семье на один день. Надо было несколько десятков километров проехать по новой железной дороге, а потом еще с десятков верст от полустанка добираться до своего села пешком. Путь долгий, не простой. Лишь в уже наступившие ранние декабрьские сумерки он появился в доме, замерзший и уставший.

Тогда маму потрясло, что ее отец пришел домой без рукавиц – то ли забыл где-то в поезде, то ли обронил по дороге. Руки его были красными, распухшими, хорошо еще, что не обморожены. Он согревал их в карманах тулупа и стоял, улыбаясь счастливой улыбкой облепившим его дочерям и посматривая на выглядывающего из-за печки самого младшего и единственного сына.

Когда отец ушел спать, десятилетняя его дочь, устроившись тихонько за большим столом в горнице под светом тусклой керосиновой лампы, начала вязать варежки. Еще ей было поручено рано-рано утром разбудить отца, чтобы он успел добраться до железной дороги на проходящий поезд и вернуться на работу без опоздания. Варежки она вязала крючком и не из спряденных шерстяных ниток, а прямо из овечьей шерсти, вытягивая бесконечный жгут из пучка и на ходу скручивая его в грубую толстую нить. Она решила, что должна во что бы то ни стало успеть связать варежки своему папе.

Семья спала. За окном черная холодная ночь. В доме очень тепло от еще жаркой большой русской печки, и иногда слышны потрескивания толстых бревен дома от мороза. Глаза устали и сами собой слипаются в такой простой и желанный сон, а пальцы все чаще сбиваются и пропускают петли. От этого она вздрагивает, распутывает нить, отгоняет дрему и вяжет дальше. Она не сдастся и свяжет варежки, но лишь бы успеть до утра, когда надо будет разбудить отца. Первая варежка была самой трудной, долгой, а вторая вязалась быстрее, увереннее. Руки словно двигались сами четко и точно. На ходиках, что постукивали-щелкали над головой, было почти три, когда она закончила первую варежку. Вторая варежка аккуратно выростала, мягкая, пушистая, приятная на ощупь. Иногда в шерсти попадались травинки, какие-то колючки. Их приходилось выбирать, вытягивать из шерсти, чтобы они потом не кололи руки. Пальцы снова стали сбиваться, а шерсть путаться, когда уже довязывала большой палец – последний этап вязки. Она справилась, успела. Посмотрела на часы – еще оставался целый час. Дочь разгладила готовые варежки, сложила их вместе и положила на уступ теплой печи, чтобы они согрелись перед тем, как их наденут на руки. Снова вернулась за стол и, положив голову на руки, стала ждать назначенного времени, чтобы его не прозевать...

Проснулась она от того, что в доме бегали, шумели и гремели посудой. Отец уже оделся. Он стоял в валенках и ватных брюках и надевал тулуп, а мать уговаривала его поесть «хоть чуть-чуть...», а потом быстро скидала еду в узелок и дала отцу. На нее же никто не обращал внимания.

– Папа, прости, я проспала.

– Ничего, дочка, не расстраивайся, я успею. Ты же знаешь, как я умею быстро бегать, – отец обнял дочь. – Не скучай.

– Варезки вот тебе связала, возьми и не мерзни больше...

За окном было еще темно. Даже не было ни малейшего намека на рассвет, и папу было совсем не видно, как он шел через двор. Слышен был только скрип снега от его шагов, но и он скоро затих.

...Не про всё

Облепиха

Катер отходил ровно в семь, и мы с братом, сонные, не понимали, что происходит и куда торопимся в такую рань. Но когда оказались на берегу у дощатого узкого трапа, было уже не до сна, все было захватывающе интересно. Катер казался огромным кораблем, а люди вокруг, что поднимались на него, – необыкновенно таинственными. Пассажирами, в большинстве, были женщины, у каждой было по одному, а то и по два ведра. У нашей мамы в руках тоже было большое зеленое эмалированное ведро. Как нам объяснила мама, мы пошли за облепихой.

Тогда садовой облепихи не знали, собирали дикую. Ее зарослями был покрыт весь берег Катуня с обеих сторон, но со стороны села берег был высокий, она росла только на небольших полянах-зимниках, и потому здесь ее собирали редко. А вот на левом пологом берегу она росла свободно по всей пойме реки, образуя плотные заросли. На том берегу у совхоза было отделение, куда катер ходил по расписанию три раза в день. Большинство женщин с ведрами и плыли в то утро на заработки – собирать и тут же сдавать облепиху за небольшие деньги приемщикам витаминного сырья.

Думаю, что мне было тогда четыре с половиной года, а значит, брату моему – три. На катере мы оказались впервые, и, конечно, это было главное. Сидели мы по бортам на деревянных скамьях и держались руками за ограждение – цепь, покрашенную голубой краской. Мама строго велела держаться за поручни и сама в них вцепилась крепче нашего. Перед тем как отчалить, катер издал оглушающий воющий сигнал-сирену. Этот сигнал мы слышали ежедневно дома. Издалека он казался негромким приятным гудочком игрушечного парохода, а теперь он нас сразил своей мощью, было в нем что-то вольное, стремящееся вырваться и умчаться далеко-далеко.

Течение Катуня – быстрое, катеру нужно было идти против него, и казалось, если смотришь на берег, что он стоит на месте, только со временем можно было заметить, что мы все-таки движемся. А если смотреть за борт на воду, то казалось, что мы мчимся, как на ракете. Мы с братом стали смотреть на белесо-зеленоватую воду, показывая друг другу на огромные буруны, что время от времени появлялись рядом. Нам представлялось, что оттуда сейчас вынырнет огромная чудо-рыба. Мама все одергивала нас, боялась, что вывалимся за борт и не давала лишний раз повернуться – посмотреть по сторонам. Катер шел, казалось, очень долго. Мы уже клевали носом, когда вдруг неожиданно рядом оказался противоположный берег и катер, как тараном с разбегу, пробороzdил носом пологий берег из мелкой гальки. Трап спустили прямо с носа, а не с борта, и он уходил вниз крутой горкой. С трапа нас подхватил и поставил на землю какой-то бородатый страшный дядька. Он и маму нашу хотел подхватить, но она отмахнулась от него и, осторожно балансируя руками, спустилась сама. Мама взяла брата за руку, в другой руке у нее было зеленое ведро, и мы пошли вдоль берега по тропе. Я все боялся отстать, и когда дистанция между нами увеличивалась и цветастый подол ее платья только начинал прятаться за кустами, бегом догонял их.

Наверное, мы шли долго, потому что когда вышли к протоке, что ответвлялась от основного русла Катуня, то видно было, что мы оказались значительно ниже нашего села, что осталось на другом берегу. Катунь в главном русле мощно и быстро несла свои холодные воды, к ней даже страшновато было подходить близко. В протоке же вода была тихой и чистой. Было видно дно и стайки мелкой рыбы. Какое-то время мы с братом наблюдали за рыбешками. Когда они всей стайкой вдруг делали крутой разворот и отплывали, то их белые бока пускали в нас много-много солнечных зайчиков. Когда проплывали несколько чебаков покрупнее, стайка мальков

мгновенно исчезала куда-то и потом, словно из ниоткуда, появлялась снова. Солнце поднялось выше кустов и уже хорошо согревало. Мама разложила наше нехитрое снаряжение, расстелила клеенку на траве и достала еду. Есть уже давно хотелось.

Ломать ветки облепихи было нельзя. Мама рвала ягоду с куста в большой ковш, из которого потом пересыпала ее в ведро. Нам с братом следовало из ведра выбирать попавшие туда листья и сучки. Это было скучно. Самим рвать ягоду у нас не получалось, она была высоко, не достать, да и острые колючки на ветках не подпускали, даже если и можно было до яркой ягоды дотянуться. Однако мы все равно по одной ягодке то с одного куста, то с другого, каждый в свою маленькую кружечку, что-то насобирали. У нас был свой маленький белый бидончик, на котором была нарисована ярко-оранжевая веселая белка, туда мы свою детскую добычу старательно ссыпали. Потом мама сломала нам все-таки по несколько небольших, но ярких веточек, и, сидя на клеенке, мы с усердием их обирали. Уже голые, без ягод, ветки потом сбросили в реку. Река подхватила их, явно желая нам помочь. Словно узнав каким-то образом о сломанных ветках, где-то вдалеке на дороге за кустами появился егерь на коне. Мама прижала нас к себе, и мы, затаившись, ждали, когда страшный дядя егерь уедет. Конь его фыркал, не желая лезть в колючие кусты. Егерь гикнул на него, и вскоре они умчались по пыльной дороге. Нас он не увидел.

Очень ценили облепиху в наших местах. Но был запрет на самостоятельный сбор дикой ягоды. Сбирать её можно было только по специальному разрешению – бумажке с печатью. У кого бумаги не было, у тех собранную ягоду отбирали егеря. Нам нужна была ягода для себя, и наш сосед, лесник дядя Кузьма, выдал маме нужную бумагу. Но даже с бумагой мама очень боялась егерей и все старалась укрыться от их глаз и нас подталкивала, чтобы не маячили на виду.

Мама все собирала и собирала облепиху, а мы то бегали к протоке посмотреть на воду и рыбок, то смотрели в небе за коршуном, что стал кружить прямо над нами, то исследовали заросли дикого хмеля и крапивы, то срывали сочные сладко-кислые ягоды крупной ежевики, что росла тут же в изобилии. Когда нас сморил сон, из своей косынки мама соорудила небольшой навес на двух ветках. Под ним мы проспали еще очень длинную часть этого дня. Когда мы с братом проснулись, мама сидела рядом. Руки ее сплошь были покрыты маленькими черными точками от укусов шипами облепихи и пахли соком ягоды. После сна снова хотелось есть. Мама сказала нам, что если хлеб макать в воду реки, то это будет самая вкусная еда, которую дома попробовать нельзя. Стоя рядом друг с другом на камнях у протоки, мы макали хлеб в воду и смеялись. Вода была холодной, капли стекали по рукам, шее и падали на рубашку. Это был действительно самый вкусный на свете хлеб.

Обратный путь к причалу запомнился только тем, что мы очень спешили, боясь опоздать на вечерний катер. Мама несла брата на руках всю дорогу – одной рукой держала его, а другой ведро с облепихой. Я семенил сзади, сжимая в руке свой бидончик. На причале было шумно и людно. Два егеря, один с весами в руках, другой у трапа катера, громко ругались. На катере, который уже стоял у берега, сидело несколько человек, но внизу у воды было еще полно народу. Кто-то стоял в очереди к егерю с весами, чтобы взвесить ягоду, кто-то поднимался по трапу, а часть людей просто толпилась, собираясь подняться на борт. Второй егерь спорил с какой-то женщиной, что пыталась прорваться к трапу. У нее было огромное ведро полное облепихи. Егерь снимал фуражку с кокардой, вытирал мокрый лоб и орал на женщину, что не пустит ее и не даст пронести ягоду. Мы с братом испугались этого страшного егеря, который так громко кричал. Еще рядом с ним стоял черный конь под седлом и угрожающе переминался с ноги на ногу. Мы спрятались за маму и старались больше не смотреть на страшного дядьку. Женщина, которую не пускали, тоже громко что-то кричала и размахивала руками. Потом она выхватила свое ведро из рук егеря, махом, словно выплеснула воду, высыпала облепиху из ведра на землю и стала топтать сочные ягоды. Ягоды рассыпались по пыли, часть их скатывалась ручейком

по уклону берега в холодную воду. Женщина, утирая слезы, поднялась по трапу. Потом, пока плыли, я видел ее еще раз – она плакала, повиснув руками на голубых поручнях, и ветер трепал ее косынку, будто пытаюсь утешить.

Мы прошли на катер без препятствий. Наверное, бумага была действительно важной, но мы с братом видели, как мама волновалась и боялась егеря. На катере некоторые женщины тоже были с облепихой. У них были полные с горкой ведра, повязанные сверху платками. В нашем зеленом ведре было не столько много красивой и замечательно вкусной облепихи – ягоды моего детства. А еще у нас был наш маленький бидончик, тоже неполный, но очень дорогой для нас, с нарисованной белкой, точно такого же оранжевого цвета, как та яркая кучка высыпанных на землю ягод.

На обратном пути по течению катер летел с огромной скоростью, и это было не менее здорово, чем когда мы плыли утром. Когда наш корабль сделал резкий поворот за островом Медвежьим, у меня перехватило дыхание от восторга, а брат засмеялся. Катер замедлил ход и плавно подошел к берегу. Наше большое путешествие закончилось.

В походе

– Говорил же русским языком: близко к печке ничего не ставить, не вешать – сторит. А ну, дай сюда, посмотрю, – Бурав выдернул из рук Веры ботинок-вибрам и разглядывал его покореженный кожаный носок и слегка обгоревшую резиновую подметку. Он был скорее удовлетворен тем, что оказался прав, чем расстроен случившимся.

Расстроены были остальные. Особенно виновница Вера. Хотя она, казалось, еще не понимала, что случилось, и, сидя перед печкой на куче елового лапника, беспомощно улыбалась.

– Ну и что делать будем? – Бурав передал ботинок по кругу, чтобы все увидели глубину проблемы. – Она не сможет теперь маршрут пройти.

– Да уж, серьезно скрючило, – Костя почесал курчаво-лохматую голову и передал ботинок дальше.

– Может, отремонтируем, а, ребята? – Альфия чуть не плакала. Она переживала за других больше, чем за себя.

– Вер, ты попробуй надеть его. Может, и не так страшно, – Макар был самым спокойным. С ним считались, и иногда казалось, что это он, а не Бурав, руководитель группы.

– Да какое там... – Бурав – Вовка Бураев, разозлился еще больше.

– Надевай, – Антон протянул ботинок Вере. Он из всех был самым опытным, хотя никогда не высовывался и редко вообще что-нибудь говорил.

Вера взяла ботинок и, вконец смущенная вниманием к тому, как она будет обуваться, стала его натягивать на шерстяной носок. Альфия и Машка стали ей помогать. Ботинок не лез. Кое-как его натянули на тонкий носок, без шерстяного. Видно было, что Вере ботинок тесен, но она старалась справиться с эмоциями.

– Нормально.

– Встань на него.

– Подметку можно парой стежков по канту прошить, а кожа чуть подмокнет и растянется, мерзнуть только будет, – Костя был ответственным за ремонт снаряжения.

– И что, она босиком в двадцатиградусный мороз будет идти? Кто отвечать за это потом будет? – Бурав злился все больше.

– Вова, я правда смогу идти, – в голосе Веры прозвучала твердость. – А на остановках буду разуваться и ногу греть. Можно еще поверх ботинка в бахилы чем-нибудь его утеплить. Не переживайте вы за меня. Сама виновата...

– Раньше думать надо было. А теперь я тебя должен с маршрута снять. – Бурав, похоже, не ожидал от себя такой решимости. Все замолчали и смотрели на него.

– Ну знаешь что, Бурав? Ты последний, между прочим, у печки дежурил, мог бы и подвинуть ботинок в сторону, раз увидел, – Машка встала, насколько ей это позволяла высота палатки, и нависла над их руководителем, грозная и большая.

– Если бы увидел, убрал бы. Я еще и виноват?

– Да никто тебя, Бурав, не винит. Но думать надо и решать быстрее. Может, и ничего страшного, дойдет Вера, – в голосе Макара уверенности не было.

– Ладно, раз вы считаете, что я решение неправильное принимаю, что... Давайте тогда пусть все выскажутся и будем голосовать. Антон?

– Наверное, Бурав прав, лучше Вере вернуться.

– Костя? – Бурав после поддержки Антона, на которую не очень рассчитывал, стал решительней.

– Я думаю, что пусть Вера сама решит, сможет ли она идти.

– Это не ответ. Ты «за» или «против»?

– Воздержусь. Чего ты наезжаешь, Бурав? Не обязан я такое решение принимать. Ты начальник, ты и решай, а лучше пусть Вера сама...

– Я решение приму, когда всех выслушаю, – Бурав немного унял начальственный пыл. – Ну что ты сама скажешь, девица наша?

– Ребята, дойду я, справлюсь. Конечно, вас мне подводить не хочется, поэтому, если считаете, что буду мешать, то... Как скажете, – похоже было, что только теперь до нее дошло, что случилось серьезное, и ей, возможно, придется вернуться домой, а группа пойдет дальше без нее.

– Альфия?

– Я за то, чтобы Вера шла с нами дальше. Она сможет, и мы будем помогать.

– Ну теперь тогда Машка, чтобы уж сразу всех женщин выслушать.

– А ты женоненавистник, Бурав? Чего это ты нас так обособил? Я тоже считаю, что Вера сможет идти. Она еще фору кое-кому тут даст. Она, между прочим, больше всех тренировалась, да и поход у нее не первый.

– Понятно с вами. Ну давай теперь ты, Макар, скажи, – именно решение Макара для Бурава было важным.

– Снимать Веру надо. Не дело это, в самом начале похода так попасть. Мы ж не знаем, что нас еще дальше ждет. Не думайте, что легче будет.

Трое парней было за то, чтобы вернуть Веру домой, три девушки были против, один воздержался – нейтральный. Но у них был еще восьмой член команды.

Юрка был первокурсником, застенчивым пареньком, которого часто не замечали или забывали про него. В этот поход – серьезную лыжную «двойку» по Южному Уралу с подъемом на вершину Ямантау, его взяли почти случайно. Он попросился к ним после своего первого похода в «единичку» в Бузулукском Бору, и его руководитель Бочкин (Витя Бочкарев) – непрекаемый авторитет в их студенческом клубе, дал хорошую рекомендацию Бураву на него. Юрка сидел в глубине палатки, еще не совсем отойдя ото сна, смотрел на всех со стороны, словно его это не касалось. Он не мог долго заснуть в эту первую ночь их похода из-за того, что рядом с ним в палатке оказалась красавица Альфия, и несмотря на то что на него она, естественно, никак вообще не реагировала, его это волновало. Заснул он уже под утро, после того, как отдежурил свой час у печки и лег на новое место с краю. Юрка не ожидал, что спросят его мнение. Оказалось, что теперь именно от него и зависело, пойдет ли с ними дальше Вера.

– Я не знаю, вообще-то.

– Ну вот еще один уклонист. Давай, парень, определяйся. В походах приходится решения принимать, иначе из тебя ничего путного не выйдет.

– Наверное, тогда все-таки лучше ее вернуть. Тяжело будет еще восемь дней с таким ботинком...

– Ну что ж? Тогда будем считать, что большинством решение принято. Снимаем. Антон, возьмишь Верин рюкзак, она – твой с самым необходимым. Проводишь ее на вокзал в Миас, дальше она сама, а ты к концу дня налегке по лыжне нас нагонишь. Сегодня далеко не уйдем.

Когда Юрка выбрался последним из палатки, он увидел, как все три девушки стояли в стороне от костра. Вера и Альфия, обнявшись, плакали, а Машка стояла с ними рядом и сердито посмотрела на него, Юрку. Бурав с Антоном что-то обсуждали у костра, остальные были заняты сборами. Из котла для чая уже вовсю валил пар, а каша была накрыта крышкой. Хотелось есть. Мороз за ночь усилился и быстро вытянул все тепло из-под сразу вставшей колом анораки. Юрка чувствовал себя виноватым. Теперь он жалел, что высказался за уход Веры, но было поздно что-то менять. После завтрака стали укладывать рюкзаки. Все происходило молча. Костя с Макаром складывали палатку. Дело это было непростое: палатка за ночь покрылась ледяной коркой, и теперь ее приходилось долбить, чтобы сложить в несколько раз и стянуть

чехлом с ремнями, как у рюкзака. Палатку нес самый крепкий из них – Макар. Как только палатка была упакована, Антон с Костей повесили ее ему на плечи. Макар слегка пошатнулся на лыжах, но устоял и скоро, не дожидаясь других, пошел в глубь леса. Остальные еще с полчаса собирали свои рюкзаки и потом догоняли медленно идущего Макара. Антон с Верой проводили всех и тогда сами встали на лыжи.

Вечером, когда уже начинало темнеть, но еще была различима лыжня, на их новую стоянку пришел Макар. От него валил пар, словно он только что вышел из бани. Над палаткой стоял столб дыма от печки, в котлах закипала вода, и вся их группа потихоньку подтягивалась к костру, чтобы потом, когда сварится ужин, можно было уже окончательно на ночь уйти в теплую палатку и там снять с себя лишнее. Макар курил свою трубку, Костя дымил сигаретой и в свете костра что-то чинил в креплении лыжи, остальные стояли вокруг костра и смотрели на пламя.

Перед тем как уйти в палатку, когда они остались у костра вдвоем, Юрка вдруг спросил Бурава:

- Скажи, Бурав, а Вера правда же не смогла бы с нами идти дальше?
- Да почему? Куда бы она делась, дошла бы, конечно... – он негромко рассмеялся.

Этот смех и пренебрежительное «дошла бы...» еще долго звучали в ушах Юрки и не давали ему заснуть. Хотя в спальнике было тепло, уютно, а лапник под ним был мягким, как перина на кровати в бабушкином доме. Дежурный Костя приоткрыл дверцу у печки и пускал туда сигаретный дым тонкой струйкой, думая, что никто не заметит, что он закурил в палатке. Видимо, так оно и было, все спали. Юрке хорошо было видно через щель пламя в печи, и он даже чувствовал на лице его жар. Костя открыл печь шире и подбросил дров. Как он закрыл печь, Юрка уже не видел...

Барабан

Наш духовой оркестр как лучший в районе часто приглашали обслуживать различные торжественные собрания, партийно-комсомольские конференции, слеты передовиков и прочие мероприятия. Играли марши, гимн, туш, а иногда в перерывах что-нибудь более веселое и легкое: вальсы или песенную музыку. Обычно это происходило в большом городском дворце культуры химиков, зал которого не уступал приличному оперному.

Так как большей частью эти мероприятия состояли из самих заседаний, то нам преимущественно приходилось скучать и дожидаться своего выступления. В оркестре редко играл кто-то из взрослых, в основном мы: мальчишки четырнадцати-пятнадцати лет.

Было две придуманных нами самими игры, чтобы скоротать время в оркестровой яме.

Первая игра заключалась в том, что большой барабан клался на бок, получался этакий семейный круглый стол, и на нем раскладывалось несколько костяшек домино. Поочередно колотушкой стучали в барабан и подсчитывали количество очков на перевернувшихся вверх точками доминошках. Выигрывал тот, кто набирал больше. Конечно, стучать надо было осторожно, чтобы звук был едва слышным, в зале же обязательно шло какое-нибудь заседание и, как правило, кто-нибудь уже всю выступал с трибуны, а рядом на сцене сидело жюри или президиум. Но если стукнуть совсем слабо, то костяшки не переворачивались. Поэтому надо было умудриться так ударить, чтобы максимальное число костяшек перевернулось, но чтобы гром барабана не был слишком ясным среди дремотной тишины зала. И вот время от времени, впрочем, с заметной ритмичностью, раздавалось негромкое «бум-м». Кто-то в зале вскидывал голову и тревожно оглядывался, кто-то думал, что это доносится шум с улицы, а кому-то это вообще казалось естественным фоном, когда долго бубнят с трибуны. Выигрывали те, кто не боялся рисковать. Игра заканчивалась каждый раз одним и тем же: кто-нибудь входил в азарт и так долбил по подпрыгивающему барабану, что внезапный артиллерийский гром заставлял подскочить ползала; члены жюри смотрели на председателя, председатель, покрутив головой, утыкался в регламент, будто там было написано, по какому поводу синкопа, а наш Андреич, дирижер и руководитель оркестра, отвлекался от своей книжки «Три мушкетера», которую обычно читал, и грозил нам всем худеньким кулаком. Он снимал и снова надевал очки, вскакивал, но тут же садился назад, потому что тогда его становилось видно из зала. Грозил снова уже пальцем и всех заставлял вернуться на свои места. Андреича не боялись, но расстраивать не хотели: он всегда всё сильно переживал.

Вторая игра была более интеллектуальная. На тот же барабан клался коробок спичек, и ударом пальца по тугой коже надо было заставить коробок встать. Если он вставал на торец, это было верхом мастерства. Для своего хода каждый музыкально талантливый игрок выбирал свое изначальное положение коробка на игровом поле: одни ближе к краю (тогда стучать надо было не по центру, а между ним и коробком), другие клали коробок в середине и барабанили пальцем уже рядом с ним, кто-то экспериментировал и размещал его радиально под углом. Допускались к этой игре только элита оркестра: первые трубы, баритон, тенор, бас и иногда – тромбон. Никогда не светило попробовать себя в игре альтам, кларнету или вторым трубам из новичков. Хозяин большого барабана робко сидел в стороне от своего инструмента и даже не пытался как-то обозначить свою принадлежность к объекту игры. Только когда игру прекращали и надо было что-нибудь уже сыграть из музыки, барабанщик отважно бросался за инструментом, сметая по пути пюпитры с нотами, за что получал подзатыльники и тычки от «настоящих» музыкантов. Эта игра была не так опасна в смысле смущения публики; звук получался не такой громкий и глухой, как при игре в домино, а более звонкий, остренький, чистый. На него редко кто обращал внимание, наверное, его принимали за естественные природные звуки. Обычно играли по двое на щелчки. Право первого хода (стука) было у владельца

коробка или победителя первого этапа. Правила игры порой менялись и совершенствовались, в этом тоже было развлечение и немалое творчество. Например, если коробок улетал со стола, то игрок на всю игру отстранялся от участия, или коробок открывался на три четверти и надо было уже не поставить его, а выбить из него спички, которые подсчитывались. Однако игра «в коробок» не была так азартна и быстро надоедала участникам соревнований. В «домино» играли чаще.

Однажды первые трубы с тенором так увлеклись игрой, что не вернули инструмент барабанщику, когда Андреич поднял свою палочку и грянул марш, а продолжали соревнование, при этом старались не облажаться и верно вести свои музыкальные партии. Теперь колотушкой стучали, уже не таясь, от души, потом колотушку бросали, а следующий оркестрант свободной от искусства рукой ее подхватывал и делал свой ход. Конечно, марш с неравномерно звучащим барабаном слушался необычно, но это продолжалось недолго. Бешеные глаза Андреича в этот раз были страшнее его занятых дирижированием рук. Барабанщик, растолкав всех и утирая слезы, наконец, уже стучал в свой большой бубен, находясь, правда, не на своем положенном месте, а в середине оркестра.

Ох и досталось нам тогда!.. Некоторых Андреич даже обещал отлучить от оркестра. А вот публика снова ничего не заметила; разве что наиболее музыкально изысканные уловили в «Тоске по Родине» некоторую особую тоску и пронзительность, доходящую до смены ритма.

Оркестр любил играть как можно больше и разное. Если играть не давали, он все равно во что-нибудь играл.

Мука

Баба Аня, или, как ее сокращенно звали все в деревне, – Бабаня, встала, как обычно, без пятнадцати шесть. Старательно пробормотав утренние молитвы, долго умывалась холодной водой и на кухню, место своего обычного дневного обитания у окошка, вошла уже бодрой, хотя кряхтеть и охать не перестала. Эти продолжительные вздохи и бесконечные «господи, помилуй» сама она не замечала, не слышала, они были частью ее старушечьего дыхания.

Пока Бабаня пила черный чай с чабрецом без сахара, но с мятной конфетой, она прикидывала, чем займется в наступивший день. Это летом длинного дня на все не хватает, а зимой день короткий, но тянется, и заполнять его надо так, чтобы прошел он с толком. «Господь не зря так придумал, что летний день вдвое больше зимнего, чтобы постарались мы, а нам его все равно не хватает, ленимся, видать...» – потянуло ее философствовать. «Пирог испеку с картошкой и грибами, – вдруг сказала она самой себе вслух, – хоть и не пост еще, пусть будет постный. Зато яйцо намешаю...» Грибы у нее были и сушеные белые, и замороженные опята. Опят осенью сама собрала немного, да соседка еще принесла ей большой пакет. Так что она потом не знала, что с грибами делать, и забила ими целый ящик в морозилке. Благо он обычно у нее пустовал.

Бабаня обрадовалась, что придумала себе хорошее занятие, и полезла в угол у печки за мукой. Тесто надо было поставить сейчас же. Муки в большой железной кастрюле под деревянной крышкой не было. «Вот старая! Совсем бестолковая стала, с прошлого раза же еще знала, что мука кончилась», – она расстроилась, но решила не отступать, раз наладилась на стряпню. Магазин открывался через полтора часа, пока можно было прибраться в комнате.

На улице, когда она вышла, было темно, фонарь горел только над сельсоветом, а дальше была темень до самого магазина. Пробиралась она осторожно, боясь оступиться с тропинки или поскользнуться. Мороз к утру отпустил, дышалось легко. «Вот кости-то и ломало...» – сказала она в темноту.

– Бабаня, вы? Ой, хорошо, что встретила. Хотела забежать, но, думаю, рано еще, разбужу, – молодая соседка Валя, что жила через двор, догнала старуху.

– Здравствуй, Валя. На автобус торопишься?

– Да, но успею еще. Бабань, вы не могли бы мне на три дня рублей пятьсот одолжить? Врач вчера Светке выписал новые таблетки, а у меня денег уже нет. На работе стыдно занимать, неудобно. Выручите?

– Валенька, конечно, моя хорошая. Сейчас, только на свет давай выберемся, – они уже подходили к магазину, где горел фонарь, а над крыльцом сияла реклама. В кошельке как раз оказалась пятисотка. – Ну слава богу, что с собой есть. Держи, Валюша. Отдашь, как сможешь, не переживай. Со Светой-то кто остался, в садик же ее не повела хворую?

– Ольга Ивановна, соседка. С ней Светка нормально остается. Спасибо вам, Бабаня, опять спасаете меня прямо буквально. Через три дня верну.

– Беги давай, а то на автобус опоздаешь.

Бабаня постояла, глядя в след Вале, пока та не скрылась за поворотом. Поднялась на ступеньки магазина и вошла в нарядный и теплый продуктовый зал. Муку она всегда покупала алтайскую, из нее выпекалось все вкуснее. Когда брала пакет с мукой, подумала, что денег в кошельке может и не хватить. Положила муку на место и снова заглянула в кошелек. Там осталось чуть мелочи, ее не было смысла и пересчитывать.

– Бабушка, вы что-то не нашли? Помочь вам?

– Ничего, девушка, спасибо. Бабка старая деньги забыла. Схожу сейчас.

– А что хотели?

– За мукой я.

- Вы возьмите муку, а деньги потом занесете. Вы же еще сегодня пойдете сюда. Я вас помню, вы каждый день бываете. Живете, наверное, рядом.
- Недалеко, да. А ты городская, наверное, не знаю тебя.
- Из города.
- Каждый день сюда катаешься спозаранку, вот наказание-то. А наши в город полдеревни, тоже каждый день. Сама деревня будто уже и не живет ничем.
- Муку-то берите, бабушка.
- Нет, милая, не пойдет так. Спасибо тебе, но схожу, не рассыплюсь.

Бабаня, недовольная собой, пошла домой. Небо на востоке подсвечивалось холодным фиолетовым светом, но тропинка была по-прежнему плохо видна, и пару раз она оступалась в сугроб. Дома решила отдышаться – отдохнуть. Сначала так и сидела, не раздеваясь, в кухне, но потом разделась, умыла руки и решила пока распустить-замесить дрожжи. Затем прошла в комнату и включила телевизор, чтобы послушать погоду. По телевизору передавали новости, погоду надо было дожидаться. Не вслушиваясь в то, что говорили, она смотрела на картинки – они были словно одни и те же каждый день. «Все врете и врете», – привычно сказала она. Про погоду она поняла, что снова похолодает, но пока телевизор выключала и шла на кухню, уже забыла весь прогноз. «Сварю к обеду картошки целиком и поем с капусткой... А пирог к ужину испеку. Тесто к обеду не поспеет...» Стало чуть веселее, когда в руках появилась работа. Картошку начистила, поставила на плиту, но зажигать газ не стала. «Быстро сварится, успею еще, а пока в магазин сбегаю...» Из-под клеенки на столе достала тысячную бумажку.

Стало совсем тепло, так что с крыш закапало как весной. Бабаня пожалела, что вышла в валенках. «Не забыть потом сушить поставить...» В магазине встретила Вовку, сына ее давно ушедшей подруги. Вовка пил, но в последнее время бывал трезвым и выглядел посвежевшим. Вовка справился у нее о здоровье и пообещал на днях заглянуть. Она похвалила его: «Видишь, как сразу на человека стал похож. Ты же, Вовка, умный мужик». Повздыхала вслед ушедшему Вовке и пошла за покупками. Вспомнила, что надо купить порошок стиральный и мыла, а к картошке решила прикупить еще и селедки. Увидела ее в витрине в аппетитном рассоле, и захотелось. На кассе взяла упаковку со спичками – они у нее почему-то быстро кончались. Довольная собой, что оказалась такая предусмотрительная, направилась домой. У самой калитки сидела чужая собака и смотрела на нее. «Вот развелось бездомных, откуда они берутся? Раньше сроду собак просто так не болталось по селу», – разворчалась она. Отломилла краюшку и бросила собаке. «Поешь и ступай отсюда», – наставительно и серьезно сказала она собаке.

Пока разделась, поняла, как устала. Так что есть совсем расхотелось, но она зажгла газ под кастрюлькой и поставила валенки на толстую трубу отопления. И только тут вспомнила про тесто – увидела раскисшие дрожжи в ковшике. Дрожжи распустились и покрылись пузырьками пены. «Вот раззява старая... что же я такая есть-то – опять муки не купила...» – Бабаня не расстроилась, она разозлилась. А когда она так сердилась, то становилась упрямой и активной. Силы к ней тут же вернулись, она заново оделась и снова пошла в магазин.

День уже перевалил за вторую половину. В середине зимы это особенно заметно, когда солнышко, чуть поднявшись, уже снова катится низко к земле, словно передумав подниматься по-настоящему. «Глянуло на нас одним глазом, да напугалось толчеи земной – покатилося спать. Вернусь – сама раньше лягу, с солнышком же», – прошептала она, на мгновение оставив путь. До магазина она еще не дошла, увидела у сельсовета Евгению Петровну, пенсионерку-учительницу. Та только что вышла из дверей местной власти. Еще не старая, моложе Бабани, но все же пожилая женщина плакала. Плакала она молча, утирая слезы варежкой, в другой руке сжимая носовой платок.

- Евгения Петровна? – Бабаня подошла ближе.

– Не знаю уже, к кому идти. Никто ни за что не отвечает... Здравствуйте.

– Что такое?

– Бульдозер дорогу расчищал вчера и вход мне в калитку завалил. Выше забора куча. Не пройти, и не расчищу я такую гору. Уже пробовала, а оно все комьями смерзлось. Соседа просила – тому некогда. Звонить пробовала в контору нашу коммунальную – не наше, говорят, дело. Вот и председатель...

– Отказал? Вот ирод.

– У него, говорит, своей техники никакой нет теперь, ничем помочь не сможет.

– Да ты что!? – Бабаня закипела от возмущения и от этого не заметила, как перешла на «ты». Она всегда с учителями была на «вы». – Пойдем еще раз вместе к нему.

Учительница не соглашалась пойти к председателю еще раз, но Бабаня, настроенная решительно, сломала ее сопротивление, и они, поддерживая друг друга, стали подниматься на ступеньки сельсовета.

Председатель, едва увидев Бабаню в дверях своего кабинета, тут же вскочил ей на встречу, но заметив за ее спиной Евгению Петровну, сменил приветливую улыбку на озабоченность и серьезность. Говорить он ей не дал, тут же заверил, что немедленно снег у калитки Евгении Петровны расчистят, что он уже дал на это распоряжение. В доказательство своих слов он вернулся к столу, поднял трубку с красного телефона и потряс ею в воздухе, будто хотел именно оттуда вытрясти нужного работника с лопатой. Обе женщины, довольные собой, вышли из кабинета председателя и еще какое-то время разговаривали в коридоре администрации.

– Дочка к себе звала на зиму. Да не поехала я, что молодым мешаться.

– Давно не была ведь она у вас. Умница, и муж хороший...

– Весной обещают приехать, как у детей каникулы начнутся. Как вы, Бабаня, поживаете?

Спасибо, что помогли.

– Все хорошо. Что у меня старухи может быть? Все одно и то же. Живем, картошку жуем... Ой! Картошка! – она вспомнила про включенный газ.

Когда, запыхавшись, вернулась домой, то услышала шипение из кухни. Последняя вода докипала под разварившейся картошкой, но она была еще вполне кондиционной, для еды годилась. Выключив газ, Бабаня, не раздеваясь, тут же рядом с плитой села на табурет. Она посмотрела на ковшик с дрожжами, стоявший на столе и придвинутый к теплой батарее, и опять же вслух пошутила: «Воды добавить, и готова брага...» Смех ее получился негромкий и короткий. «Если кто с улицы услышит, решит, что старуха совсем спятила, – подумала она и вытянула на столе свои большие корявые руки со вздутыми венами. – Завтра новый пирог затею...»

Тополиный пух (из дневника)

...Сегодня произошло странное. Навстречу шла девушка и мне улыбнулась. Я сразу подумал, что вот в такую девушку я смог бы влюбиться. Оглянулся на нее и увидел, как она тоже оглянулась. Она была очень красивой...

...Сегодня сдал последний экзамен. Первый курс позади. Но отчего-то ничему не рад, а тоска снова накрыла с головой. Вдруг вспомнилась та девушка в белом платье, что улыбнулась мне тогда, целый год назад. Тогда было очень жарко, а тополиный пух кружил вокруг словно снег...

...Эта новогодняя ночь удивительна. Что себя обманывать и тянуть свое же не бесконечное время, мне уже пора. Она правда мила и, наверное, надо делать ей предложение. Лучше я уже все равно вряд ли кого встречу. Да, решился. Самому смешно от этого напавшего и заставшего меня врасплох настроения: снег, ночь, новый год, тишина и торжественность. Все банально, но почему-то приятно и слегка грустно. Пытаюсь понять, отчего. А снег сегодня удивителен – он точно такой, каким был тот сумасшедший тополиный пух, когда я увидел ту девушку. Она была в белом платье с воланом, и у нее были изумрудные глаза. Она тогда оглянулась и смотрела на меня дольше, чем это было можно. Она улыбалась. Как хорошо я помню этот взгляд...

...У дочери взгляд как у той девушки. Хотя глаза совсем не похожи...

...Сегодня шел по бульвару там, где встретил ту девушку. Сразу всплыли в памяти ощущения и то настроение. Она шла здесь, и вот именно в этом месте, где асфальт неровный и сейчас, оглянулась на меня и смотрела в мои глаза с легкой, задорной и такой ласковой улыбкой. Волна нежности оттуда, из дальних лет, снова согрела. Солнечные волосы в беспорядочных кудряшках, бледная розовость щек, тонкий нос и удивительные глаза. Еще она держала что-то в руках, размахивала...

...Пора, пора решиться и что-то менять. Эту чертову работу, на которую хожу бесконечно и ничего не добился, эту конуру в общежитии вместо квартиры, эту свою так называемую «семейную жизнь». Если нельзя все поменять сразу, то хотя бы что-то. Если что-то одно изменить, ведь сразу же неизбежно изменится и все остальное, это обязательно. Всегда, сколько себя помню, подгонял себя подобными размышлениями – уговорами: пора что-то менять, предпринять, изменить, решиться, но всегда менялось что-то само или совсем не по моей инициативе, а чьей-то, а я, как обычно, следую за этой чужой, внешней волей. Признать это не очень приятно, но это так, так. А может, и нет? Виной всему хандра, она всегда достает меня неожиданно. Никто же не сомневается в моих способностях, профессионализме и порядочности. Да, порядочность... засунуть бы ее куда-нибудь... И порядочность моя – обман. Трусость и обман.

Как она была прекрасна в этом голубом ясном небе в облаке тополиного пуха! Волосы ее разлетались, и в них путались эти пушинки, а она улыбалась и смотрела на меня. Еще она размахивала большой папкой с нотами и, наверное, напевала себе какую-то удивительно замечательную мелодию. Мне даже кажется, что я сам слышал эту мелодию, она тогда тоже доносилась до меня, и поэтому я оглянулся, и она видела, что я слушаю ее музыку. На асфальте пух лежал легким налетом, и от ее движения он расступался, разлетался и скатывался в маленькие прозрачные рулончики. Как было радостно...

... Вот и все. Наверное, это надо было сделать давно, но дочь... Для нее папа тогда многое значил, тогда... Не смог бы я оставить мою ласковую девочку. Как бы и кем бы я сам был без нее? А теперь у нее муж, и папа давно не рядом. Все разбежались. И не надо ныть, сам стремился к этому – к свободе, к спокойствию и равновесию. Быть самим собой и не подстраиваться ни под кого. Теперь все сам. Привыкну. Надо делать дело. Горит же в голове тот, уже почти забытый, огонек из юности, он все тот же, в задумках и мечтах, и руки чешутся. Наверстаю. Такой вот седой юноша со взором горящим.

В тот дальний летний день, когда пух ореолом волшебного вихря указал мне ту девушку, я был таким же. Видела бы она меня сейчас, уверен, что узнала бы. И я бы ее узнал, глаза, роняющие лучи, волосы облаком... У нее была крохотная, едва заметная родинка над левой бровью, и когда она мне улыбалась, эта родинка дрогнула вверх... Чистый открытый лоб и прилипающие к нему тополиные пушинки. Тогда казалось, что весь мир остановился, замер вокруг нас и мерцал словно мираж в знойном воздухе, а мы стояли и улыбались не просто друг другу, а нам обоим, как единому. Такая родная ее ласковая улыбка, губы, пересохшие от жары... Руки – тонкие и совсем не загорелые, а розовые и словно светящиеся собственным светом. На ладони у нее осталась красная полоса от веревочной ручки папки с нотами, когда она переложила ее в другую руку, и все так же продолжала ею размахивать. Да, еще из папки доносилась только нам двоим слышимая мелодия. Я никогда после не слышал эту мелодию, но хорошо ее помню – музыка радости, торжества и легкой грусти одновременно, музыка танца и полета. Казалось, что она даже чуть пританцовывала, но нет, она замерла на миг, когда обернулась и улыбалась, просто ее высокие ноги, изумительно красивые даже под длинным белым платьем, выдавали безудержную энергию молодости, так что казалось, что она танцует всегда, что это единственно для нее возможное состояние. Красные туфли – лодочки с ремешком вокруг щиколотки, они были уже не новые, но очень шли ей. Как-то давно, когда дочка еще заканчивала школу, я увидел точно такие же лодочки в окне-витрине и не удержался, купил их. Дочке они не подошли, а жена косилась на меня как на идиота. Почему-то я никак не могу найти портрет – фотографию или картинку, – похожий на нее, мою девушку из далекого жаркого июня...

... Почти забыл я про свой дневник. Сегодня должен сделать в нем последнюю запись. Завершить, а то останется незамкнуто. А потом я его сожгу. Долго придумывал, как сжечь дневник, непросто, оказывается. Они вряд ли догадываются, что я сам смог сесть за стол и еще способен писать, значит, и с этим справлюсь – сожгу. Сегодня жарко. С кровати было видно, как кружит белый пух. Его в этом году особенно много, столько никогда не было. Только в то лето, когда она шла ко мне и улыбалась. Через открытое окно пух залетает в комнату и его уже много здесь, но ни одна пушинка так и не упала ко мне на кровать. Мне кажется, что внизу за окном под этим снегопадом стоит она. Стоит и улыбается, ждет меня. Поэтому я поднялся посмотреть на нее.

Отдых дикарями

...За поворотом открывался новый вид, еще более неожиданный и яркий. Усталость как рукой сняло. Ехать было весело, словно и не было позади более трех тысяч километров пути, а они только вот сейчас, в предгорьях Алтая, и начали свое путешествие. Гор долго не было видно, тянулись поля, мелькал лес. Потом голубые зубцы стало видно где-то далеко впереди, но за деревней Сростки, сразу за небольшим поворотом, вдруг появилось ощущение, что они уже в горах. Разговор зашел о том, какие они все-таки молодцы – решились на эту поездку, и что друзья их Скворцовы пожалеют, что не поехали с ними.

– Двумя машинами, может, и хуже бы было – поджидали бы друг друга. А так сами по себе, – сказала Ира.

– В паре было бы спокойнее – мало ли что в дороге. Но пока все нормально, то одним, конечно, проще, – Матвей добавил газ, впереди был прямой участок отличной дороги. Рядом за деревьями угадывалась большая река.

– Да-а! Обзавидуются Скворцовы, когда им фото покажем. Смотри, какая красотища.

– Они будут делать вид, что им интересно и радуются за нас, а сами... Это Ленка всё, без моря она, видите ли, не может. В купальнике пофорсить хочет.

– На море теперь как раз лучше зимой летать, а летом у себя, по родным просторам... Но я думаю, что не из-за этого они не поехали, просто Серега поленился несколько дней за рулем сидеть.

– Давай им какой-нибудь подарок привезем, что-нибудь особенное отсюда, из гор, чтобы офигели.

– И чего мы им купим? Мед, орехи, лапти?

– Не знаю. Что-нибудь увидим необычное, рынок будет где-нибудь, попадется обязательно. Купим на что глаз ляжет. У меня так всегда бывает. Помнишь, как в Испании – у всех одно и то же, а я увидела тот колокольчик на блошином рынке, и всё, на него запала, а потом все спрашивали, где я такое чудо откопала. В путешествии всегда должны быть неожиданности.

– Скоро будет Горно-Алтайск. По навигатору он не по трассе, чуть в стороне.

– Ну и бог с ним. Давай не будем останавливаться. Хочется быстрее в настоящие горы, чтобы скалы, тайга и река шумела.

Москвичи, Матвей и его жена Ирина, любили путешествовать на машине. В это лето у них был запланирован Алтай. Отпуск тщательно продумывался всю зиму, покупалось недостающее снаряжение и изучался маршрут. По вечерам они часто, сидя обнявшись, разглядывали в гугле, подробно, с фотографиями и видео, Катунь, Телецкое озеро, извилистый Чуйский тракт; читали форумы и выбирали места, где будет протекать их активный отдых. Решено было, что сначала они проедут вдоль Катунь до села с загадочным названием Элекмонар, останавливаясь в самых живописных местах, затем вернуться на Чуйский тракт и от него доедут до Тюнгур – места, где дорога заканчивается. Там остановятся на турбазе и неделю проведут в горах в окрестностях Белухи. На самую вершину они не собирались, но готовы были примкнуть к какой-нибудь группе, чтобы увидеть хотя бы издалека легендарную гору. Ирина увлекалась эзотерикой, рериховским учением, картинами и по дороге рассказывала мужу про музей Рериха в селе, где до сих пор живут староверы и куда им непременно надо будет заехать. На обратном пути они хотели заглянуть на Телецкое озеро и сравнить его с Байкалом, на котором они были два года назад, им говорили, что озера похожи. Все путешествие должно было уместиться в три недели. Еще неделю от отпуска они оставляли в резерве, чтобы успеть дома в Москве какие-то дела сделать, побывать в Рамено на даче у родителей, например. Строго по дням свой маршрут не расписывали, по опыту они знали, что в этом нет необходимости. Находиться в свободном полете был особенный кайф. Теперь их замысел блестяще осуществлялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.